

"Мужчина из загадочной страны"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Лора Райт

Мужчина из загадочной страны

Пролог

— У нашего отца есть еще один ребенок.

С этими словами Зайяд Аль-Найял, султан Эманда завершил великолепный выпад и вонзил меч в грудь воображаемого противника. Отступая назад, он поскользнулся на гладком каменном полу террасы и едва не упал. Ноги слушались его с трудом, а правая рука кровоточила.

Это было неудивительно — после трех с половиной часов тренировки.

Хороший способ отвлечься!

Прошлой ночью Зайяд получил предсмертное письмо от помощника своего отца. Помощник умер неделю назад, а письмо только доставили. В этом послании было такое признание, что Зайяд немедленно позвонил своему брату и попросил его приехать домой. Услышав взволнованный голос брата, Сакир немедленно отправился в путь.

Всю ночь Зайяд пытался уснуть, но безуспешно. В три часа он покинул свою постель с холодными шелковыми простынями и отправился на террасу — упражняться с мечом в ожидании приезда брата.

Солнце за стенами дворца медленно поднималось над горизонтом. Наступил рассвет, и брат наконец-то приехал.

Сакир Аль-Найял стоял, скрестив руки на груди, и на его полных губах играла усмешка. За его спиной высоко в небо вздымались купола мечети.

— Ты много раз пытался вернуть меня в Эманд, но сочинить такую сказку...

Зайяд покачал головой:

— Это не сказка, брат.

— Я не верю тебе, — ответил Сакир. — Я оставил беременную жену только потому, что в твоём голосе была...

— Тревога? — Зайяд поднял бровь.

— Да, верно. Я приехал и увидел тебя, сражающимся с собственной тенью.

Не отрывая взгляда от брата, Зайяд указал кончиком меча на маленький столик. На нем стоял золотой поднос с нетронутым завтраком, а рядом с тарелками лежало письмо.

— Драка написал мне перед смертью. Это настолько важно, что я решил оторвать тебя на некоторое время от Риты.

Сакир посмотрел на письмо, но в руки его брать не стал.

— Что в нем?

— В этом письме говорится о том, что двадцать шесть лет назад наш отец отправился в Америку, чтобы встретиться с двумя сенаторами из Калифорнии по поводу нефтяных вышек. — Зайяд раздраженно сжал губы. — Там он встретил женщину.

Сакир удивленно поднял брови:

— Женщину?

— Она была помощницей одного из сенаторов. Похоже, что наш отец был очарован ее умом и красотой. Он пригласил ее поужинать, и она приняла его предложение. После этого они вместе отправились на прогулку по побережью, — Зайяд глубоко вздохнул, — а потом она пригласила нашего отца к себе домой.

Сакир ответил не сразу, в его глазах сквозило недоумение.

— Мне с трудом в это верится. Наш отец терпеть не мог американцев.

— Я тоже так думал, но Драка написал, что, по словам султана, эта женщина была не такой как все.

И снова гнев охватил Зайяда, и он ненавидел себя за это. Он не был романтиком и не верил в настоящую любовь, по крайней мере для себя. Он не осуждал таких мужчин, даже женатых, но его отец был особенным. Так думал Зайяд. Он верил, что в постели султана никогда не было других женщин, только его жена.

— Как долго наш отец был в Америке? — спросил Сакир.

— Три дня и три ночи.

— И эти ночи он провел в постели той женщины?

— Получается, что так.

— Ты говорил о ребенке, — произнес Сакир и крепко стиснул челюсти.

— Через месяц после возвращения султана в Эманд, эта женщина связалась с Дракой.

— И? — нетерпеливо спросил Сакир.

— Она утверждала, что беременна. Она хотела поговорить с отцом и рассказать ему об этой новости.

— И что сказал наш отец?

Зайяд направился к балкону и уставился на пейзаж за окном, надеясь успокоить нервы.

— Драка не сообщил ему об этом звонке.

— Что? — выкрикнул Сакир в ярости.

— Драка не поверил тому, что говорила эта женщина.

— Пусть так, но нужно было проверить это, провести расследование.

— Конечно, нужно было поступить именно так. — Зайяд бросил взгляд на простирающийся внизу сад, в котором росли фруктовые деревья и лекарственные травы. В самом тенистом углу сада была могила его младшего брата Хасана. Он умер много лет назад, это был несчастный случай во время военных учений, но время не излечило душевную рану Зайяда, его сердце каждый раз больно сжималось при воспоминании о младшем брате.

И в этот момент Зайяд понял, что если существует хоть малейшая вероятность того, что у них с Сакиром есть еще один брат или сестра, он обязательно должен выяснить это.

— О чем ты думаешь? — спросил Сакир.

Зайяд повернулся к брату:

— Это наше семейное дело, которое необходимо решить. Я думаю, что даже сейчас, спустя много лет, необходимо провести это расследование.

Сакир утвердительно кивнул:

— Да, мы найдем этого ребенка.

— Я найду этого ребенка.

— Но...

— Ты сказал, что тебя дома ждет беременная жена. И я буду прав, если отправлю тебя обратно домой к твоей любимой Рите.

Сакир кивнул в ответ, хотя на его губах промелькнула недовольная усмешка.

— Необходимо провести тест на ДНК у ребенка.

— Да. Но, Сакир, ты должен понять, что это больше не ребенок.

— Конечно, он должен быть уже взрослым мужчиной.

Быстрым движением Зайяд наколот письмо на кончик меча и поднес своему брату:

— Прочти последний параграф.

Сакир снял письмо с лезвия меча и прочитал. Зайяд с любопытством наблюдал за выражением лица своего брата, которое сначала отражало интерес, потом — беспокойство, а после этого — шок.

Когда Сакир наконец закончил читать, его зеленые глаза расширились от удивления:

— Девушка?

— Совершенно верно. — Зайяд был удивлен не меньше своего брата, когда прочитал это письмо в первый раз. После того как в их семье родилось трое мальчиков, мысль о девочке как-то не пришла Зайяду в голову.

— Где она? — спросил Сакир.

Зайяд прошел к столу, взял стакан сливового сока и залпом осушил его.

— Она живет в городке, который находится в часе езды от Лос-Анджелеса. Этот город называется Вентура.

— Когда ты выезжаешь?

— Завтра утром. Мое расследование уже началось. Я должен собрать как можно больше информации об этой женщине, прежде чем я сделаю попытку сблизиться с ней. Я лечу в Калифорнию.

— А что потом?

— Поживу как настоящий американец, узнаю поближе эту Джейн Хефнер, посмотрю, настоящая ли она Аль-Найял. Думаю, я пойму, способна ли она узнать и принять правду о своем происхождении.

— Держи меня в курсе, хорошо?

— Обязательно. — Зайяд знаком подозвал слуг, чтобы те убрали поднос с завтраком и забрали его меч. Слуги проворно исполнили приказания, и братья направились в глубь дворца.

Сакир остановился перед входом в бальный зал, повернулся к Зайяду и сказал:

— Возможно, у нас действительно есть сестра.

Зайяд не особенно разделял энтузиазм своего брата:

— Не стоит окрылять себя напрасными надеждами, Сакир. Вероятно, у нас есть сестра, но и возможно то, что мы имеем дело с самозванкой.

Глава первая

Интересно, все мужчины подлецы или как?

Мэрайя Кеннеди вышла из своего «форд-эскорта», оборудованного кондиционером, и оказалась в пекле калифорнийской жары.

Великолепный, блестящий, обаятельный, имеющий состояние в десять миллионов долларов, но все же отказавшийся выплачивать алименты на своих трехлетних близнецов.

Она изо всех сил хлопнула дверцей.

Свежий ветер, дующий с океана, пытался охладить ее кожу, а также вывести из этого «наверняка-я-проиграю-это-дело» настроения.

Нет, не все мужчины подлецы. Ее отец был просто примером для подражания. Должно быть, только великолепные, невероятно успешные и неотразимые мужчины подходят под это определение.

Мэрайя подошла к входной двери своей прекрасной двухуровневой квартиры и начала рыться в косметичке в поисках ключей, одновременно наклоняясь, чтобы подобрать лежащую у порога газету.

Обычно она справлялась с этим упражнением без проблем, но сегодня весь день шел наперекосяк.

Внимание девушки привлек заголовок на первой странице: «Солнечные ожоги вызывают излишний вес», из-за этого она не сразу приняла вертикальное положение. Позади нее раздался какой-то шорох, и Мэрайя обернулась, одновременно выпрямляясь.

Это была плохая идея.

В такой нелепой, неуклюжей и весьма унижительной позе она наткнулась на мускулистую грудь.

Вскрикнув от неожиданности, она уронила косметичку. Ее содержимое рассыпалось по тротуару, а красный карандаш для губ и запасная пара чулок отлетели в ближайшие кусты.

— Черт возьми! — пробормотала Мэрайя, опускаясь на колени.

Мгновенье спустя мужчина оказался рядом с ней.

— Не беспокойтесь, — пробормотала она, подбирая губную помаду и таблетки от головной боли, — у меня все под контролем.

— Не похоже.

На мгновенье Мэрайя перестала лихорадочно подбирать содержимое своей косметички и взглянула на мужчину.

Темноволосый, высокий...

Жар охватил все ее тело. Но палящее солнце было тут ни при чем. Никогда прежде в своей жизни Мэрайя не видела мужчину, сошедшего с обложки журнала «Джей Кью», так близко. Темные глаза оценивающе смотрели на нее. У него были короткие черные волосы, острые угловатые черты лица, которые свидетельствовали о породе, и полные, чувственные губы. Мэрайя не сомневалась, что они свели с ума немало женщин.

Он принадлежал к тому типу мужчин, которые всем своим видом говорили: «Берегись меня».

Девушка пыталась успокоить биение своего сердца, но это плохо у нее получалось, потому что этот мужчина сидел на корточках напротив нее и улыбался.

Ему скорее всего слегка за тридцать, и он убийственно красив. В его манерах и взгляде сквозила такая самоуверенность, которая обычно производила неизгладимое впечатление как на мужчин, так и на женщин. На нем была простая черная футболка, а поверх нее — превосходно сшитая белая рубашка. Конечно, на этом сухощавом, подтянутом теле любая одежда выглядела просто замечательно.

Мэрайя ненавидела себя за эту слабость в коленях, а еще ей хотелось засмеяться. Этот невероятно красивый мужчина, скорее всего, новый жилец их дома, о котором ей вчера рассказала миссис Гилл. Нового жильца миссис Гилл охарактеризовала как «милого молодого человека».

«Милый молодой человек» удивленно посмотрел на нее:

— Я не хотел вас обидеть. Просто вы выглядели так, словно были не в духе.

Хрипловатый баритон вкупе с сексуальным акцентом. Само совершенство.

— Я прекрасно себя чувствую, с чего вы взяли, что я не в духе?

Он подобрал с тротуара книгу под названием «Женщины, любящие мужчин, — настоящие дуры», взглянул на нее, а потом протянул Мэрайе.

— Если бы я мог дать вам совет...

Она схватила книгу:

— Какой? Чтобы в следующий раз я смотрела, куда иду?

— Совершенно верно, — он поднялся, протягивая ей руку, — иногда хорошо замедлить шаг и посмотреть по сторонам.

— Мне всегда было очень трудно это сделать.

Он не обратил внимания на ее комментарий и продолжил:

— Я думаю, что приносить извинения за ситуации, которые создаешь, это замечательная черта характера.

Мэрайя почти улыбнулась ему. Может быть, она ошибалась, полагая, что все великолепные мужчины являются подлецами.

— В этом я с вами согласна, и я принимаю ваши извинения. Вы так напугали меня, что...

— Нет, вы не поняли, я говорю о вас.

Наверно, все-таки все мужчины подлецы.

— Прошу прощения?

— Но ведь это вы налетели на меня, не так ли?

— Да, но это было не нарочно.

— Я не верю в это, но тем не менее извинения должны быть принесены.

В ней заговорил профессиональный юрист, который требовал немедленно опровергнуть эти обвинения, но после такого дня, как этот, у Мэрайи просто не было сил для споров.

Но и извиняться всерьез она была не намерена.

— Я приношу глубочайшие извинения за то, что налетела на вас, — она улыбнулась. — Так сгодится?

Мужчина не выглядел удовлетворенным.

— Полагаю, что этого будет достаточно, мисс...

— Мэрайя Кеннеди, — представилась она.

— Меня зовут Зайяд Фандал. Я живу рядом с вами.

Ну вот, ее догадка подтвердилась, он — их новый сосед. Наверно, это ее судьба жить по

соседству, работать по соседству, быть разведенной и спорить с высокими, темноволосыми и раздражающе красивыми мужчинами.

— Приятно познакомиться, мистер Фандал. Добро пожаловать. И еще раз прошу простить за мою голову, врезающуюся вам в грудь.

Она повернулась к своей двери и вставила ключ в замочную скважину.

— Погодите минутку, мисс Кеннеди.

Мэрайя обернулась через плечо и перехватила его взгляд, внимательно рассматривающий ее сзади.

— Да?

— Могу ли я вас о чем-то спросить?

Мысленно Мэрайя отрицательно покачала головой.

Меня это не интересует, плейбой, но все равно спасибо.

Пережив чудовищный развод, который отнял у нее почти четыре года жизни, и насмотревшись на ежедневные кошмары, через которые проходят ее клиентки из-за таких парней, как этот, Мэрайя поклялась себе, что будет встречаться только с мужчинами ниже ее ростом, не обладающими гипнотическим взглядом. И обязательно с тонкими губами, такими, которые никогда не будут волновать ни ее тело, ни ее душу.

Глупая идея? Может быть. Зато безопасная. Очень, очень безопасная. И сейчас она тоже чувствовала себя в полной безопасности.

— В чем дело, мистер Фандал? — спросила она с терпеливой улыбкой.

— Я хотел узнать, дома ли ваша соседка, Джейн Хефнер.

Какая же ты неудачница!

Волна разочарования охватила Мэрайю, когда она встретилась с его нежным взглядом. Она решила, что понравилась ему, а на самом деле его интересовала Джейн. Но кто мог винить его за это? Ее прекрасная соседка с волосами цвета воронового крыла свела с ума немало мужчин. Белокурые волосы и невысокая, полная изгибов фигура Мэрайи не шли ни в какое сравнение со стройными, длинными ногами и прекрасными зелеными глазами Джейн. Конечно, Зайяд встретился с ней сегодня утром, а теперь хочет расспросить Мэрайю о ней.

Ты — полная идиотка.

— Джейн сейчас на работе, она будет дома позже.

— Спасибо, — улыбнулся Зайяд. — До свидания, мисс Кеннеди.

Он поклонился ей, потом прошел мимо нее, спустился по ступенькам и исчез внутри черного блестящего лимузина. Держа руку на дверной ручке, Мэрайя наблюдала за ним, думая о том, что он выглядит замечательно как спереди, так и сзади.

Девушка тихо вздохнула. Больше всего на свете ей хотелось сейчас закрутить приятный летний

роман. Она ведь так долго была одна. Увлечение мистером Высоким, Темноволосым и Красивым может быть весьма веселым, но... Фантазии должны остаться фантазиями. Такие мужчины, как он, лукавят и обманывают, а потом пропадают без следа, как только речь заходит о серьезных отношениях.

Некоторое время Мэрайя просто стояла, размышляя над своими теориями. Если говорить откровенно, она ненавидела себя за то, какой ожесточенной она стала. Конечно, как юрист она работает из-за этого гораздо лучше, но какой она стала женщиной?

Она вспомнила то давнее время, когда жила в состоянии вечной весны. Любовь больно ранила ее, заставила пошатнуться. Мужчина обидел ее, посмеялся над ее чувством, забрав с собой надежду и доверие к миру.

Мэрайе показалось, что ее дорогой кожаный портфель словно наполнился камнями, и она наконец вошла в дом, где ее ждали любимые пирожные, а потом — горячая ванна.

Султан сильно рисковал, отправляясь в Америку лишь с тремя охранниками, но он отказался от большего количества людей. Даже тем троим был отдан строгий приказ защищать его лишь тогда, когда он скажет.

Быстро взглянув в зеркало заднего вида на прекрасную соседку, Зайяд отъехал от обочины и двинулся вниз по улице. Машина позади него тоже тронулась с места. Зайяду вдруг захотелось оторваться от своих людей, устроить что-то вроде погони, но, как всегда, он должен был подавить в себе чувства и желания, которые не служат на благо его страны.

Зазвонил телефон, и ответил он не сразу.

— Да, Харин?

— Куда вы едете, сэр?

— На пляж.

Ему просто необходима была физическая нагрузка, чтобы успокоить нервы. Его меч лежал на заднем сиденье, готовый к работе.

— С вашего позволения, сэр, я бы посоветовал вам Бухту Голубки. Сейчас там никого нет, и вас никто не побеспокоит.

— Очень хорошо, но я поеду туда один.

— Но, сэр...

— Разворачивайтесь на следующем перекрестке и отправляйтесь домой. Я дам вам знать, когда вы мне снова понадобится. — Зайяд сердито захлопнул крышку телефона. Он всего лишь едет на пляж. Он и сам может защитить себя, если возникнет такая необходимость. Он все-таки мастер меча, человек, который обучался у великого воина Оханда. Все знали, что уже в возрасте двенадцати лет молодой султан был способен услышать любого хищника на расстоянии десяти футов и легко справиться с ним.

Став взрослым, Зайяд понял, что в определенных ситуациях иметь охрану просто необходимо. Его люди должны обеспечить ему надежный и безопасный тыл. И его тринадцатилетнему

сыну, который еще не был готов принять бразды правления, если с его отцом что-то случится.

Мысли о сыне заставили Зайяда задуматься о другом ребенке. Молодая девушка, которая могла бы никогда не узнать, что в ее жилах течет королевская кровь и что у нее есть два брата, готовые многое отдать, чтобы узнать ее ближе.

Зайяд взглянул на соседнее сиденье и открыл лежащую на нем папку. На него смотрела фотография. Прекрасная молодая женщина, у которой были скулы ее отца и зеленые, как у Сакира, глаза. Зайяду не нужен тест на ДНК. Даже на фотографии эта женщина выглядит как настоящий член их семьи, но для других, он знал, эта процедура будет необходимой. Так что пусть пока доктор занимается этими анализами, а Зайяд сегодня вечером познакомится с ней поближе.

Детская радость вдруг охватила его. Да, он был рожден для того, чтобы править, оставаясь невозмутимым и бесстрастным. Его учили жить правильно, думать о великом, быть снисходительным, когда это необходимо, и оставаться жестким, когда того требуют обстоятельства. Как и его брат Сакир, он без всяких сожалений понимал, что желания и мечты существуют для других людей. Но бывают редкие случаи, когда он может просто радоваться, словно обычный человек. Например, рождение сына. И первая встреча с сестрой...

Зайяд остановил машину и пешком направился в Бухту Голубки. Он поупражняется несколько часов на теплом песке, а потом вернется в квартиру. Ему столько необходимо сделать, сохранив при этом в тайне цель его пребывания здесь. Его советник, как и все люди, которых он взял с собой, полагали, что он приехал сюда, чтобы отдохнуть и расслабиться. Конечно, они не задавали вопросов, почему он снял квартиру и почему проявляет столько внимания к соседям. Они просто не имели права это делать.

О да, подумал Зайяд. Две недели никаких вопросов, никаких отвлечений от цели...

Внезапно он вспомнил о хорошенькой белокурой адвокатше с прекрасными формами и злыми глазами, цвета горячего эмандского песка на закате солнца. Соседка его сестры была смелой и умной, и если бы у него было больше времени, то он наверняка закрутил бы с ней роман.

Его руки крепче сжали меч.

Однажды отец сказал ему:

— Мужчина перестает быть мужчиной, когда теряет самообладание. Особенно если он занимает такое положение, как мы.

Ирония судьбы. Его отец, великий султан, нарушил свой завет, когда приехал в Америку.

А чего он ожидал от своего сына?

Глава вторая

Джейн Хефнер была гением в кулинарии.

Мэрайя съела еще кусочек потрясающе вкусного и необычайно освежающего мороженого с базиликом и вздохнула:

— Объясни мне еще раз, почему тебе необходимо уехать?

Джейн сложила с безукоризненной аккуратностью светло-желтую блузку и положила в чемодан.

— Ресторану необходима реклама, так что мне придется им помочь. Обучение некоторых изнеженных кинозвезд тому, как приготовить пикакто из телятины и картофель с чесноком, покажется некоторым трудной и неприятной работой, но для меня это...

— Голубая мечта?

Джейн засмеялась.

— Эй, полегче, эти джинсы стоят безумных денег.

— Хорошо. — Мэрайя села на кровать и начала складывать джинсы Джейн. — Но ты понимаешь, что заставляешь меня в течение недели питаться замороженными полуфабрикатами?

Джейн забрала джинсы и сложила их по-своему:

— Сушеные рыбные палочки, растворимое картофельное пюре, смесь из грибов, бобов и моркови, а также компот из фиг? — она пожала плечами. — Не вижу в этом никакой проблемы.

— Ты, может быть, и великий кулинар, но в тебе нет ни капли сострадания к моему бедному желудку.

— Я знаю, но я вернусь раньше, чем ты заработаешь гастрит.

Мэрайя замолчала, думая о том, что она очень привязана к своей подруге. После развода с Аланом, она нашла помощь и поддержку у Джейн, которая была ей не просто подругой, а фактически сестрой.

— Тебе не кажется, что твой босс поступает крайне легкомысленно, так просто отпуская тебя в это путешествие?

— Там платят наличными, Эмми.

Серьезность, с которой говорила Джейн, заставила Мэрайю остановиться в своих комментариях. Она знала, что Джейн копит деньги на открытие собственного ресторана. Это было мечтой все ее жизни. И как подруга, Мэрайя старалась во всем поддерживать ее.

— Я слышала, что у нас новый сосед, — заметила Джейн. — Ты уже встретила с ним?

Мэрайя закатила глаза:

— Встретилась ли я с ним? Лучше не спрашивай.

— В чем дело?

— Мягко говоря, я была не в лучшей форме.

Джейн улыбнулась и присела с ней рядом на кровать:

— Он симпатичный или такой же неприятный тип, как и прежний сосед?

— Почему ты меня об этом спрашиваешь? Ты же тоже его видела.

— Нет, не видела. — Джейн отрицательно покачала головой.

Мэрайя удивленно посмотрела на нее:

— Может, ты сказала «Привет», проходя мимо, или что-то в этом роде, поэтому он и знает тебя.

— Он знает меня? О чем ты говоришь?

— Он спросил о тебе, когда налетел на меня... Ладно, когда я столкнулась с ним. Он хотел знать, когда ты вернешься домой. Все выглядело так, будто вы уже познакомились, поговорили, и он хотел пригласить тебя куда-нибудь.

Джейн фыркнула:

— Ерунда. Может быть, миссис Гилл рассказала ему о нас, и после того, как он встретил тебя, захотел познакомиться и со мной... Что-то вроде проявления дружеских соседских отношений?

— Я не знаю, — пожала плечами Мэрайя, — но как бы там ни было, будь осторожна. Он — опасен.

— Почему? — Джейн сунула ноги в розовые тапочки, аккуратно стоящие рядом с кроватью. — Потому что он высокий, темноволосый и красивый?

— Да.

Джейн перестала смеяться, положила руку на плечо подруги и глубоко вздохнула:

— Послушай, Эмми, однажды ты взглянешь на мир и на всех мужчин в нем другими глазами.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Нет, ты прекрасно понимаешь.

— Ладно, хорошо, я понимаю. Но сегодня еще не тот день.

— Хорошо. Я тебе позвоню. — Джейн крепко обняла ее, потом встала, взяла чемодан и отправилась в аэропорт.

После ее ухода Мэрайя пошла в кухню, чтобы приготовить себе ужин из полуфабрикатов и обдумать следующий шаг в деле об опекунстве, которым она сейчас занималась. Бывший муж ее клиентки был умен и хорошо скрывал свои увлечения, поэтому ей придется хорошенько покопаться в его жизни, чтобы найти доказательства его измен.

Когда рыба и компот были готовы, Мэрайя вышла на улицу и присела на красивой скамеечке, которую Джейн установила внутри кирпичного патио. Задний двор выглядел очень мило в ночном свете. Луна, звезды, парочка облачков... и перемороженная рыба и водянистая смесь из моркови и бобов.

Что может быть лучше этого?

— Позвольте к вам присоединиться?

Мэрайя вздрогнула, а потом посмотрела через плечо. Ее новый сосед направлялся к ней. Он выглядел неправдоподобно красивым в лунном свете.

Сердце ее бешено заколотилось, но она постаралась сохранить внешнее спокойствие.

— У меня осталось немного рыбы и парочка бобов, если вам интересно.

Он улыбнулся и сел напротив нее за столик для пикника.

— Я не очень голоден, но все равно спасибо.

— Значит, просто проверяете задний двор? Или кого-то ищете?

— Пожалуй, и то, и другое.

— Джейн здесь нет.

Его взгляд стал задумчивым.

— Я не сказал, что ищу Джейн.

— А вам и не надо было говорить этого.

Ее тон был сухим и резким, но он, казалось, ничего не заметил.

— Возможно, я ищу вас.

Ее сердце буквально затрепетало. Глупая, глупая девочка.

— С чего бы это?

— Возможно, я хотел поближе узнать эту... — он окинул ее взглядом, — неистовую женщину, живущую по соседству.

Неистовую!

Мэрайя чуть не покраснела.

Боже, у него были просто удивительные глаза — такие черные, но в то же время отливающие золотом. Любая женщина может пропасть в этих глазах, если не будет осторожной. Слава богу, Мэрайя была осторожной.

— Послушайте, — сказала она с большим сожалением в голосе, чем ей самой хотелось бы, — у меня куча работы, так что я пожелаю вам спокойной...

— А что за работа?

— Я — адвокат.

Он удивленно поднял брови.

— Я помогаю женщинам, с которыми плохо обращались во время замужества, вернуть то, что они заслуживают.

— Интересно. И чего, по вашему мнению, они заслуживают?

— Все зависит от обстоятельств. Но самое главное — это уважение. Если они оставили свою карьеру ради того, чтобы заниматься домом, то я помогаю им добиться финансовой стабильности. Если мужья изменяли им во время брака, если эти женщины потеряли самоуважение, я помогаю им начать новую жизнь. Как раз случай, над которым я сейчас работаю...

Внезапно Мэрайя замолчала. Что она делает? Этот человек не был ее другом или приятелем, а она была готова рассказать ему все подробности.

— Так о чем вы хотели сказать, мисс Кеннеди?

Она встала из-за стола и собрала остатки ужина.

— Ни о чем, просто я сейчас работаю над одним делом, и будет лучше, если пойду и займусь им.

Она собралась, но он остановил ее:

— Мисс Кеннеди?

— Да? — Она повернулась к нему.

— Вы недолюбливаете мужчин, не так ли?

— Прошу прощения?

Он пожал плечами:

— Вы говорите о них так, словно они — враги.

Мэрайя гордо подняла подбородок:

— В суде это так.

А в жизни, в ее жизни, подумала она, разве не так? Она махнула ему рукой на прощание:

— Спокойной ночи, мистер Фандал.

После этого она направилась домой, где могла спокойно думать и спокойно дышать.

Помыв тарелки, Мэрайя отправилась в ванную. Что ей сейчас действительно было нужно, так это горячая ванна, чтобы выбросить из головы все вопросы, замечания и оценивающие взгляды этого мужчины.

Она ненавидит мужчин! Интересная идея.

Конечно, она не доверяет им, думала про себя Мэрайя, включая горячую воду, но это совсем другое.

Снимая одежду она задержала взгляд на своем отражении в зеркале. Ее руки провели по плоскому животу медленно поднимаясь к пышной груди. Кожа была бледной и очень чувствительной, а как только пальцы Мэрайи коснулись сосков, ее захотелось заплакать. Никто не прикасался к ней уже четыре года, да и до этого секс был редкостью для нее, потому что Алан был очень озабочен тем, чтобы сделать счастливой свою любовницу, вместо того чтобы

обратить внимание на жену.

Мэрайя закусил губу. Правда не в том, что она ненавидит мужчин. Если ей на пути встретится настоящий мужчина, она готова к сумасшедшей страсти. Но страх в ее сердце был сильнее желаний, и она и представить себе не могла, что скоро что-то изменится в ее жизни.

Вздыхнув, она отвернулась от зеркала и залезла в горячую ванну.

Зайяд выругался и швырнул пакет с попкорном на пол. Кукуруза была черной как ночь, а запах гари пропитал всю квартиру, в которой ему придется жить следующие две недели.

— Я мог бы нанять прислугу, Ваше Королевское Величество.

Зайяд повернулся и посмотрел на своего помощника, который был его самым близким другом. Именно у него султан и позаимствовал свою фамилию.

— Нет, Фандал. Я говорил тебе, что не хочу привлекать внимание. И не называй меня «Ваше Величество».

— Да, Ваше... — Фандал опустил подбородок. — Да, сэр.

Зайяд снова повернулся к буфету, открыл его и, не найдя ничего более существенного, чем попкорн, направился к холодильнику.

— Я надеялся, что принесу что-нибудь с собой, когда я буду знакомиться с сестрой. Какую-нибудь еду. Но, увы, я без всего.

— Обычно женщины с удовольствием принимают цветы, сэр.

— Я встречаюсь со своей сестрой, Фандал, а не ухаживаю за хорошенькой мисс Кеннеди.

— Конечно, сэр. — Привычно поклонившись, Фандал подошел к пакету с попкорном и начал убирать его с пола.

Ухаживать за хорошенькой мисс Кеннеди? Зайяд фыркнул. Он никак не мог забыть эту женщину и их короткий разговор во дворе, это-то его больше всего и раздражало. Она выглядела такой нежной, такой привлекательной, даже когда была готова уничтожить бывшего мужа своей клиентки.

— Могу я заметить, что эта златовласая женщина весьма отличается от женщин нашей страны, — сказал Фандал с предупреждающими нотками в голосе.

— Да, это так. — Белокурая прекрасная львица с острыми когтями. Но что-то подсказывало ему, что, если злость превратится в желание, которое охватит ее тело, Мэрайя Кеннеди не пустит в ход свои когти. — Не буду утверждать, но думаю, что романы для нее не в порядке вещей. Я боюсь, что большинству американок нужно больше, чем просто любовник.

— А разве у других женщин это не так, сэр?

— Только не из моего окружения.

— Но ведь была одна такая.

Эти слова легко слетели с губ Фандала, но Зайяд остановился, кровь прилила к лицу при воспоминании о женщине, которая оставила его и сына без малейшего сожаления. Он повернулся, взглянув на присмирившего Фандала.

— Как ты знаешь, Мейян не хотела настоящей семьи. Она не захотела разделить мою жизнь и нашего сына. Все, чего она хотела, — так это богатства и комфорта, и она это получила. Но в конечном итоге я оказался победителем, потому что приобрел гораздо более ценное сокровище.

Бледность еще не сошла с лица Фандала, и он решил перевести тему на сына султана:

— Как поживает Его Высочество?

— У Редета все хорошо, он счастлив в школе.

Его сын стал слишком взрослым для своих тринадцати лет, и Зайяд очень скучал по нему.

В этот момент сильный удар сотряс стены. Вслед за этим раздался женский крик.

— Останься здесь, — приказал Зайяд, — я пойду посмотрю.

— Ваше Королевское Величество, это может быть опасным.

— Это из-за соседней двери. Возможно, что-то случилось с моей сестрой.

— Я пойду с вами.

Но Зайяд уже был возле двери:

— Не выходи из этого дома, Фандал, или тебе придется вплавь добираться обратно в Эманд, ты меня понял?

— Да, сэр.

— И ничего не говори остальным.

Через мгновение Зайяд был возле входной двери квартиры Джейн и Мэрайи. Он быстро постучал, но никакого ответа не последовало. Он дернул дверную ручку, дверь была заперта.

Грудь сдавило тревогой, он перестал думать, а только действовал. Отойдя на несколько шагов назад, он разбежался и со всей силы ударил в дверь. Замок не поддался с первого раза, тогда он попробовал еще и еще раз. Наконец замок сломался, и Зайяд очутился внутри квартиры.

Глава третья

— Я знаю, у меня должны быть его фотографии с этой женщиной, но я не могу найти их. Мисс Кеннеди, перезвоните мне, пожалуйста, хорошо?

Несмотря на боль в лодыжке и запястье, Мэрайя дослушала до конца сообщение от своей клиентки, а потом звуковой сигнал своего автоответчика.

Голая и злая, Мэрайя лежала на полу ванной в нелепой позе и мечтала установить телефон прямо в ванной. Тогда бы она не поскользнулась, пытаясь выбраться из ванны и добежать до телефона в комнате Джейн.

Думая, что сможет перевернуться и распределить вес на здоровую ногу, Мэрайя слегка приподнялась. Острая боль скрутила ее лодыжку, и Мэрайя упала без сил.

И что она теперь будет делать? Лежать здесь всю ночь? Может быть, попробовать медленно поползти из ванной до коридора, а потом...

И тут она услышала грохот. Трещала выламываемая дверь. Сердце Мэрайи забилося как сумасшедшее. Все это очень плохо. Ограбление и недееспособная обнаженная девушка совсем не подходят друг другу. Она попыталась сесть, но лодыжка и запястье очень болели, так что все она делала очень медленно.

На лестнице послышались шаги, за дверью ванной раздался шорох. Внезапно в голову Мэрайи пришла мысль, что это Джейн. Должно быть, она что-то забыла.

Она закричала:

— Джейн! Я упала и не могу подняться.

— Не бойтесь. Я здесь, чтобы помочь вам.

Липкий страх охватил Мэрайю, она даже забыла на минуту о своей боли, когда поняла, что это не Джейн.

Интересно, она заперла дверь в ванную?

— У меня здесь нож и бейсбольная бита, — закричала она, осматривая ванную комнату в поисках подходящего оружия. Ну да, пилочка для ногтей и вантуз. — И я не побоюсь применить их.

— Я не сомневаюсь в том, что вы способны убить человека, если вас спровоцировать, но не бойтесь, я не причиню вам вреда, мисс Кеннеди.

Неужели это мистер Сексуальный Акцент?

О боже мой.

— Не входите сюда, — предупредила она его, больше опасаясь, что он увидит ее обнаженной, нежели того, что он нападет на нее.

Она была такой идиоткой!

— Мисс Кеннеди, я слышал, как вы кричали. — Он уже был рядом с дверью и останавливаться не собирался.

— Со мной все в порядке. — В ее голосе зазвучали истеричные нотки. — Все нормально. Я просто увидела мышь и...

— Я не верю вам.

Дверь предательски скрипнула, открываясь.

— О боже мой, не входите сюда...

Он не послушался ее.

— Вам, наверно, нужен док...

— Черт возьми!

Голая и скрючившаяся на полу Мэрайя попыталась завернуться в резиновый коврик.

— Убирайтесь отсюда, убирайтесь, я не одета.

— Вам больно. — Он подошел к ней, опускаясь на колени. — Я никогда не воспользуюсь такой ситуацией.

— Я вам ни на минуту не верю.

Озорные искорки заплясали у него в глазах.

— Умная девочка. — Он взял полотенце и накрыл ее. — Даю вам слово, что не сделаю ни одной попытки соблазнить вас, а просто помогу вам.

— Мне не нужна помощь.

— Позволю себе усомниться в этом.

— Послушайте, мистер Фандал, это мой дом, и я хочу, чтобы вы покинули его.

— Кто же поможет вам, если я уйду?

— Я справлюсь сама.

— Ползая по полу, как хромой щенок.

— Вы что, только что назвали меня собакой?

Зайяд издал рычание и поднял глаза к потолку. Никогда еще в своей жизни он не встречал такую женщину — упрямую, твердолобую, готовую причинить себе вред ради того, чтобы сохранить свою честь. Он не привык исполнять чужие приказы, но в случае с ней он решил, что будет лучше подчиниться.

— Если вы предпочитаете беспомощно валяться здесь, то я встану за дверью на тот случай, если вам понадобится моя помощь.

— Нет, спасибо вам. Я ценю ваше желание помочь, но вы можете идти. Я в порядке.

Он поднялся, вышел из ванной и встал за дверью.

— Я буду стоять здесь до тех пор, пока вы не поймете, что вам нужна моя помощь.

Мэрайя фыркнула:

— Ну, тогда вам придется ждать этого всю ночь.

Секунду спустя он услышал, как она вскрикнула от боли.

— Мисс Кеннеди? — Он покачал головой, а потом снова вошел в ванную. — Мне не нравится играть в такие игры. Теперь вы не отошлете меня обратно, а я буду помогать вам до тех пор, пока не подоспеет подходящая помощь.

— Нет никакой подходящей помощи.

— Вашей соседки все еще нет дома?

— Нет.

— Но она ведь скоро вернется, не так ли?

— Вообще-то она уехала из города на неделю, чтобы научиться готовить какую-то голливудскую звезду.

Страх охватил Зайяда. Он, наверно, плохо расслышал слова Мэрайи. Джейн уехала на неделю? Это просто невозможно. У него есть всего лишь две недели, чтобы познакомиться с ней, понять ее прошлое, узнать историю ее семьи и решить, готова ли она вернуться на родину, чтобы исполнять обязанности принцессы. Как же это произошло? Как он мог допустить, чтобы его план полностью провалился?

Чувство разочарования охватило его. Что же ему теперь делать? Ехать за ней?

Он взглянул на женщину, которой была нужна его помощь. С величайшей осторожностью взял ее на руки. Сначала ему придется решить эту проблему, а потом уже разбираться в ситуации с Джейн.

Упершись головой ему в грудь, Мэрайя пробормотала:

— Это так унижительно.

— Что унижительно? Упасть или быть обнаженной?

— Конечно, второе.

На его губах появилась улыбка.

— Вам нечего стесняться, мисс Кеннеди. Ваше тело прекрасно, а кожа — нежнее шелка. Мне приходится предпринимать много усилий, чтобы не смотреть на вас, но, так как вам больно, я вынужден это делать.

Зайяд смотрел в ее широко открытые глаза и на чувственные губы.

Засмеявшись, он поднял ее на руки вместе с ковриком и направился из ванной.

— Хвала небесам. Я нашел способ успокоить вас.

Глава четвертая

Забывшая на время о боли в лодыжке, Мэрайя находилась под впечатлением комплиментов Зайяда. Она знала, что не должна радоваться этим словам. На самом деле ей следовало заявить ему, что все его слова о нежности и мягкости ее кожи — ложь от начала до конца, а после этого вклеить ему пощечину.

Но дело было в том, что Мэрайе не хотелось думать, что он сказал ей неправду. Он смотрел на нее с такой искренностью, что ей хотелось обнять его за шею и поцеловать.

О, она так долго была одна. Мэрайя чувствовала себя старой, прогнившей сливой на дереве,

которая уже отчаялась быть сорванной. Опасные мысли...

— Куда вы меня несете? — спросила она его.

— В постель.

Вот он — итог этих опасных мыслей.

— Мистер Фандал...

— Можете звать меня Зайяд.

— Мне кажется, что после этого инцидента нам лучше сохранять некоторую дистанцию.

— Я так не думаю.

Когда они пришли в ее спальню, Зайяд откинул белые хлопковые простыни и осторожно положил ее в постель.

— Я покину тебя лишь на несколько минут, — сказал он ей, — я позвоню врачу, а потом сразу вернусь.

— Мой доктор не приезжает на дом.

— Конечно, нет, зато мой приезжает.

— Твой? — Мэрайя внимательно посмотрела на него, думая о том, кто же их новый сосед на самом деле. У него есть свой личный врач, который приедет по вызову в восемь вечера, у него странный акцент, отличная одежда, умные глаза...

Внезапно резкая боль пронзила ее лодыжку. Она прижалась щекой к подушке, закрыла глаза и застонала. Когда она открыла глаза, Зайяд был на полпути к двери.

— Эй, Зайяд.

Он обернулся:

— Да?

— Как ты узнал, что это моя спальня?

Медленно на его губах появилась почти дьявольская улыбка.

— Метод дедукции. Здесь компьютер, книги по праву и много, много бумаг повсюду. — Он указал рукой на копии работ кисти Хокни, которые были развешаны на стенах. — И эти картины, в них вся ты.

Книги по праву и все остальное — это она еще понимала, но причем здесь картины? Это сильно удивило Мэрайю. За все время, пока они были с Аланом женаты, он никогда не спрашивал ее о любви к Хокни и тем более не интересовался связью между ней и картинами.

— Почему в этих картинах — я?

Зайяд окинул взглядом комнату и задумчиво вздохнул:

— Во-первых, ты живешь в городе, который омывается океаном, а на многих работах Хокни изображено море. И ты очень яркая, Мэрайя, и еще у тебя специфическое чувство юмора.

Она не могла отвести от него взгляда.

Он понял все это всего лишь после двух встреч с ней? Да, этот парень действительно опасен.

— Ты довольно быстро сделал выводы: от двери до заднего дворика, от ванной до спальни.

Он улыбнулся:

— Люди говорят, что у меня хорошо развита интуиция, и еще я очень образованный.

— А может быть, ты еще и немного самоуверенный?

— О нет, Мэрайя, — сказал он, на этот раз без всякого юмора в голосе. — Я более чем самоуверенный.

С этими словами он повернулся и вышел из комнаты.

Тридцать минут спустя, после полного обследования ее запястья и невероятно распухшей лодыжки, доктор заявил ей с тем же акцентом, что и у ее соседа, что она всего лишь сильно ушибла запястье. А что же с ее лодыжкой?

— Я боюсь, что вы очень сильно растянули связки, — сказал он, глядя на нее черными глазами. — Я пропишу вам легкое болеутоляющее и привезу костыли. Также вам будет необходимо сделать рентген. И на несколько дней придется отказаться от обуви.

Мэрайя покачала головой:

— Я не могу остаться в постели. У меня очень много работы.

— Делайте работу, не выходя из постели.

— Я — адвокат, и мне нужно подготовиться к очень важному делу. На карту поставлена жизнь и все такое. Если я не смогу встать и пойти на работу, я могу забыть о суде на целых три недели и о том, чтобы получить алименты для замечательной мамы двух малышек.

Доктор старался выглядеть сочувствующим.

— Я понимаю, мисс Кеннеди. Но если вы хотите вылечить вашу лодыжку, то вы будете делать то, что я вам говорю. И еще вам потребуется, чтобы кто-то помогал вам в это время.

Зайяд повернулся к ней:

— Твоя соседка приезжает через...

— Неделю.

Он сжал губы:

— У тебя есть друг, который мог бы помочь тебе?

— Вообще-то нет. — Джейн была ее лучшим другом. Она ни с кем не сближалась после Алана. Конечно, у нее были коллеги по работе, но никого из них Мэрайя не могла попросить о помощи.

— А твоя семья? — спросил Зайяд.

Она отрицательно покачала головой.

— А мужчина? — спросил доктор.

Кровь прилила к ее щекам.

— Нет, никакого мужчины нет.

От этой новости Зайяду стало легко на сердце, хотя он и не хотел задумываться, почему. У него были более важные дела, чем влечение к этой женщине, например встреча с сестрой.

Мэрайя пошевелилась в кровати. Она выглядела такой прекрасной и нежной, что Зайяду пришлось сделать над собой усилие, чтобы выкинуть из головы желание лечь рядом с ней.

Ей было больно, а ему следовало думать о своей миссии.

Прямо сейчас он должен последовать за сестрой в Лос-Анджелес, узнать все о ее жизни и сделать то, что он должен был сделать много лет назад: рассказать ей правду. Но пока султан ездил за доктором, он много думал и пришел к выводу, что это будет неправильно. Он может ездить за Джейн в Лос-Анджелес, а потом обратно в Вентуру, но не получит ответов на интересующие его вопросы.

Мэрайя подняла глаза, встретившись с его взглядом.

На все вопросы может ответить лучшая подруга Джейн Хефнер!

Зайяд замер, обдумывая новый поворот событий. Он совершенно не годился на роль сиделки, но ему необходимо узнать правду о своей сестре, о ее прошлом и настоящем. И это может приблизить его к Мэрайе Кеннеди на несколько дней...

Интересный, хотя и рискованный проект.

Он повернулся к доктору Адирю, сыну своего врача в Эманде:

— Я сам позабочусь о ней.

Глаза Адира расширились от удивления.

— Ваше... Сэр, я не думаю, что...

— Все решено, — быстро сказал Зайяд.

— Прошу прощения? — пробормотала Мэрайя.

Зайяд продолжал говорить с доктором Адиром:

— Я живу рядом с ней, так что я буду готовить для нее, помогать ей...

— Вы уверены, что это будет правильное решение, сэр?

— Уверен. — Его ответ был окончательным и бесповоротным.

— Прошу прощения, — Мэрайя села на кровати, гнев явно читался в ее тигриных глазах и раздраженном голосе. — Во-первых, я не ребенок. Во-вторых, мне не нужна помощь.

Зайяд начал: Я просто предложил свою руку, чтобы помочь...

— Мне не нужны дополнительные руки, — отрезала Мэрайя.

— Боюсь, что они вам будут нужны, мисс Кеннеди, заявил доктор, накладывая тугую повязку ей на ногу. — Как я и говорил, вам необходимо соблюдать постельный режим, по крайней мере в течение двух дней. И если мистер Фандал не поможет вам, то тогда кто же?

Она открыла рот, собираясь что-то сказать, но потом передумала. Хороший вопрос, который заставил ее чувствовать себя жуткой неудачницей. Действительно, Джейн уехала, а Мэрайя просто не может попросить ее вернуться домой, когда на кон поставлены такие деньги.

Девушка поморщилась от боли. Ее лодыжка так сильно болит. Черт возьми! Ведь действительно никто не может помочь ей, кроме... Она подняла глаза, встретившись с взглядом Зайяда, и ее сразу охватило тепло и умиротворение.

— Почему вы хотите сделать это для меня? — спросила его Мэрайя. — Ведь вы меня едва знаете.

Зайяд сел рядом с ней на постель. Доктор неслышно покинул комнату.

— Ты никогда не чувствовала необходимости помочь незнакомому человеку в беде, Мэрайя?

Каждый день, с тех пор, как она выбралась из тяжелой депрессии, в которую вверг ее бывший муж. После того как Мэрайя узнала, что он не только изменял ей со своим инструктором по фитнесу, но и собирался жениться на этой женщине, она почувствовала необходимость помогать людям, оказавшимся в подобной ситуации. Людям, которые чувствовали безнадежность и одиночество и остались без средств к существованию. Она снова вернулась в университет, закончила образование и несколько месяцев спустя открыла собственное дело.

Мэрайя откинулась на подушки и тяжело вздохнула.

— Мне нужно переговорить с доктором наедине, — сказал ей Зайяд, — а потом я вернусь, и мы поговорим об ужине, хорошо?

— Послушай, — сказала Мэрайя, когда он поднялся с постели, — я прошу прощения за то, что выгляжу неблагодарной, на самом деле я очень ценю то, что ты пытаешься для меня сделать...

— Но?

— Но я не доверяю тебе.

— Я понял.

Она приподнялась на локтях:

— Ты понял?

— Это у тебя в крови.

— Все дело в моем прошлом, — поправила она его.

В ответ Зайяд кивнул, и Мэрайя продолжила:

— Ты приехал сюда не просто так, и я не знаю, кто тебе нужен — я или Джейн, или ты раскаиваешься в каком-то ужасном грехе, который ты совершил, но помни — я буду следить за тобой, словно охотник за дичью.

От его улыбки веяло чувственностью.

— Ничего другого я от тебя и не ожидал, Мэрайя.

Она нервно сглотнула:

— Вот и хорошо.

— Кстати, единственный грех, от которого я никак не могу избавиться, — это постоянное желание получить то, чего я не могу получить. — Он еще шире улыбнулся ей и взглядом окинул ее фигуру, скрытую под белым полотенцем. — Но я никогда в этом не раскаюсь.

Мэрайя смотрела на него, когда он покидал ее спальню, оставив после себя невероятно сексуальную ауру. В течение четырех лет она думала, что все, что ниже талии, у нее умерло. Но теперь она поняла, что это не так. Мэрайя была живой и хотела снова чувствовать мужчину рядом с собой.

Но не просто мужчину.

Она закрыла глаза и глубоко вздохнула.

Этого мужчину.

От этой мысли ей стало страшно.

Глава пятая

— Что ты сделал?

Стоя на кухне, Зайяд держал в руках банку с супом и, прижимая плечом к уху мобильный телефон, пытался объяснить брату странную ситуацию, в которой он оказался сегодня вечером.

— Я согласился ухаживать за соседкой нашей сестры до тех пор, пока она не сможет передвигаться самостоятельно.

— Это безумие. Ты ничего не смыслишь в уходе за больными. Ты не умеешь ни готовить, ни убирать, ни вести легкие и необременительные разговоры. Она раскусит тебя в один миг.

— Может быть, но у меня не было выбора. У нее нет никого, кто мог бы ей помочь. У девушки нет родных, ее подруга уехала, и у нее нет мужчины.

— Нет мужчины? Ты сказал это так, словно это тебя радует.

— Ничего подобного.

— Я не верю тебе, брат. Ты хочешь соблазнить ее, я это чувствую. Она хорошенькая?

Зайяда обдало жаром с ног до головы. Это чувство привело его в замешательство.

— Она блондинка, небольшого роста, с прекрасными формами. Ее глаза цвета нежнейшего эмандского песка, а губы — как вино. Она более чем хорошенькая, брат. Но...

— Но что? Какие могут быть помехи?

— Она американка, а я султан. Это весомая помеха, но я скажу тебе еще одну. Она обозлена на что-то или на кого-то, а я не собираюсь успокаивать ее. — Он открыл шкаф и достал голубую чашку. — Не важно, насколько велико может быть мое желание, я здесь только для того, чтобы собирать информацию...

— Оставаясь там, в ее доме? — рассмеялся Сакир.

Чашка выпала из рук Зайяда и с грохотом упала в раковину.

— Это единственный способ удостовериться, что моя миссия будет успешной. Я должен быть поблизости, чтобы получить информацию. У меня всего лишь две недели, чтобы узнать все, что возможно, о нашей сестре, а потом я возвращаюсь в Эманд.

— Миссия — это главное. Это должно быть превыше всего. — Сакир оставил свой сарказм на некоторое время. — Ты хочешь, чтобы я приехал в Калифорнию?

Зайяд улыбнулся, услышав от брата такое предложение.

— Нет. Сейчас ты не должен оставлять свою жену. Ты и так скоро встретишься с нашей сестрой. — Он достал из ящика стола открывалку для консервов. — К тому же два шейха — это слишком для такого маленького городка.

— Точно, — засмеялся Сакир.

Зайяд выругался, когда куриный суп пролился на пол.

— Что случилось?

— Я пытаюсь открыть банку с чем-то, что называется куриный суп. Это любимое блюдо моей пациентки.

— Но ты ведь не собираешься готовить?

— Именно этим я и занимаюсь.

— Почему бы не поручить одному из слуг готовить еду?

Зайяд подошел к раковине и включил воду.

— Я должен действовать как обычный мужчина.

— Нормальный мужчина уже давно бы позвонил в пиццерию.

Зайяд снова выругался.

— Я должен идти. Я добавил в эту смесь слишком много воды.

Зайяд проигнорировал смех брата и выключил телефон. Он сражался со львами, с шестью воинами одновременно, с самыми свирепыми мастерами меча — и не может справиться с приготовлением еды. Ему просто нужно сконцентрироваться.

Десять минут спустя он входил в спальню Мэрайи. Часы на стене пробили девять. Немного поздноато для ужина, но она сказала, что ничего не ела с обеда и выглядела очень бледной, когда он оставил ее.

На подносе, который Зайяд нашел на кухне под раковиной, он расположил тарелку с водянистым супом, немного сыра, хлеб, таблетки болеутоляющего, стакан воды и стакан вина для себя.

Он остановился у кровати, держа в руках поднос, и поймал на себе взгляд Мэрайи. Она сидела, опершись на подушки, и выглядела очень юной. Ее длинные светлые волосы свободно лежали на плечах. На ней было платье, которое Зайяд принес ей из шкафа. На первый взгляд оно показалось ему строгим и вполне подходящим, но, приглядевшись, он понял, что этот белый материал очень тонкий и сквозь него просвечивают очертания ее груди.

Невидимые тиски сдавили его сердце, когда он смотрел на нее. Он отошел от Мэрайи и присел в кресло, стоящее напротив кровати. Он удивился тому, что потерял самообладание. Удивился и забеспокоился.

— Спасибо за ужин, — сказала Мэрайя, расстилая на коленях салфетку. — Я очень ценю твою помощь.

Зайяд скрестил руки на груди.

— Подожди с благодарностью до тех пор, пока не попробуешь суп. Боюсь, из меня получился неважный повар.

— Я уверена, что на вкус он будет замечательный. Я и сама не умею готовить. Да я даже с трудом могу сделать хот-дог, — она взяла в руки ложку. — Приготовление пищи — это вотчина Джейн, в этом она настоящий гений.

— Она готовит еду? — спросил Зайяд, словно не знал этого.

— Она — профессиональный шеф-повар. Джейн работает в итальянском ресторане. Скоро у нее будет собственный ресторан, но, как ты знаешь, все упирается в деньги.

Он этого не знал, но кивнул в ответ.

Мэрайя откусила кусочек сыра и спросила:

— А чем ты занимаешься, Зайяд?

Это был вопрос, на который он не мог быстро ответить. Султан на отдыхе?

— Я — человек искусства. Собираю, храню, а потом продаю, если вижу, что покупатель подходящий.

— Правда? Ну, тогда это объясняет твою просвещенность по поводу Хокни. Ты коллекционируешь картины или скульптуры?

— В основном мечи.

— Мечи? — Кусок сыра упал обратно на тарелку. — Такие, которые нарезают кусочками и рубят на кубики и все такое?

Зайяд улыбнулся:

— В моей стране очень почтительно относятся к мечам. Даже игра на мечах считается искусством, спортом, как фехтование. Мальчики в возрасте пяти лет начинают учиться искусству владения мечом.

Мэрайя взяла в руку ложку, она выглядела обеспокоенной.

— Значит, для них это то же самое, что для обычного американского ребенка конструкторы «ЛЕГО» и машинки. А из какой ты страны?

— Это маленькая страна, вряд ли ты слышала о ней.

— Может быть, слышала.

— Моя страна называется Эманд.

— Нет, никогда не слышала о такой. — Мэрайя улыбнулась, улыбка была широкой, открытой и немного дразнящей. Она была неотразима.

Интересно, она будет сопротивляться, если он поцелует ее? Зайяд был уверен, что будет.

— Как выглядит твоя страна? — спросила Мэрайя.

Он вздохнул, забывая о соблазне и переносясь мысленно в свою родную страну.

— Она — волшебная. Прекрасная и немного дикая.

— Дикая? Это относится к пескам или к людям? Мужчины ведь не таскают женщин за волосы или что-то в этом роде, не так ли?

— Правитель Эманда давно запретил подобное поведение. Правда в том, что, хотя некоторые люди и предпочитают следовать традициям и устоям прошлого, большинство женщин моей страны образованны, раскрепощены и не испытывают беспокойства, говоря своим мужьям о том, что они действительно думают.

— Мне нравится такой правитель.

И ты ему тоже нравишься.

Но вслух он сказал другое:

— А как насчет тебя? Я знаю, что ты — адвокат. Но я не понимаю, почему ты выглядишь так, словно находишься на грани, ты полна напряжения.

— Ты имеешь в виду, что я нахожусь в состоянии стресса?

— Да, точно.

Мэрайя посмотрела на него, потом вздохнула и покачала головой:

— Я веду дело, которое продвигается с трудом. Я пыталась убедить обе стороны урегулировать спор без судебного разбирательства, решить вопрос без длительных битв в суде, но бывший муж моей клиентки с этим не согласен. Теперь я пытаюсь достать информацию, которая может помочь моей клиентке выиграть это дело. — Мэрайя указала рукой на свою лодыжку: — Посмотри, с чем мне пришлось вступить в противоборство.

— Что это за дело?

— Об опекуновстве над детьми.

— А поконкретней, мисс Кеннеди, — попросил Зайяд с улыбкой.

— Ты действительно хочешь знать?

— Я бы не спрашивал, если бы мне было неинтересно.

Она объясняла ему, продолжая есть суп:

— Женщина, которую я сейчас защищаю, была прекрасной женой и матерью в течение четырнадцати лет. Муж часто оскорблял ее, у него было много любовниц. Он не хотел проводить время с детьми. Они развелись около месяца назад, и она получила опеку над детьми. А несколько недель назад она познакомилась с хорошим человеком и начала встречаться с ним. Ну, бывший муж узнал об этом и словно с цепи сорвался, хотя у него есть подруга. — Мэрайя вздохнула и положила ложку на поднос. — Он подал в суд иск о получении опеки над детьми. Дети, которыми он никогда не интересовался и о которых никогда не заботился. Моя клиентка никогда не просила об алиментах, она просто хотела получить пособие на детей. Но гордость ее мужа была оскорблена. Его интрижки никогда не фигурировали в суде, и теперь он утверждает, что был преданным, любящим отцом и мужем, а его жена была шлюхой, и дети не должны оставаться с такой матерью, как она.

На лице Зайяда заходили желваки. Он презирал таких мужчин, как этот.

— Он хочет использовать детей в качестве орудия мести.

— Точно. Этот парень богат и могуществен, и ни я, ни его жена не можем найти ни одного доказательства его измен. Его женщины молчат. Его друзья и партнеры по бизнесу — тоже. Счета за гостиницы и цветы, которые нашла моя клиентка, внезапно испарились.

— Всегда есть возможность восстановить такие документы.

— Я пыталась. Моя клиентка тоже пробовала, но ничего не вышло. — Мэрайя тихонько вздохнула. — Я не хочу проиграть это дело.

Внутри Зайяда заговорил мужчина-защитник, и он вдруг воскликнул:

— Ты его не проиграешь.

— Я же сильно растянула ногу, и у меня сейчас нет возможности заниматься этим делом.

— Мы найдем доказательства его измен.

Она удивленно прищурилась:

— Мы?

Зайяд подошел к ее кровати:

— Это дело напоминает мне о моих собственных сражениях. Мне тоже пришлось бороться, чтобы вернуть себе ребенка, мать которого желала лишь использовать его в своих целях.

— О чем ты говоришь? Какой ребенок?

— Мой ребенок. У меня есть сын.

Мэрайя от удивления открыла рот:

— У тебя есть ребенок?

— А что, я не выгляжу как отец?

— Ну, вообще-то нет. — Она покачала головой, чувствуя, что поступает жестоко, говоря такие вещи. — Ну, я имела в виду, что ты такой...

— Какой?

— Я не знаю.

Великолепный, очаровательный, образованный.

С мужчинами такого рода Мэрайя встречалась в суде. Обычно они хотели избавиться от лишнего багажа — жены и детей, чтобы начать жизнь заново.

Мысли вихрем закружились в ее голове. У этого мужчины есть ребенок? Он боролся за него?

— Я не знаю, как описать тебя, Зайяд.

Он наклонился к ней, убрав прядь волос ей за ухо:

— Чуть не попала в суп.

Зайяд не отстранился от нее, он был так близко, его рот всего лишь в нескольких сантиметрах от ее губ. Мэрайя чувствовала его тепло, и ее сердце выпрыгивало из груди.

— Кстати, это действительно очень плохой суп, — прошептала она.

Он взглядом окинул ее лицо, остановившись на губах:

— Я же предупреждал.

Мэрайя молчала, пытаясь успокоить зачастившее сердце. Она не могла себе поверить — она действительно была готова поцеловать его. Мужчину, которого едва знала и который воплощал в себе все то, чего она так боялась в представителях мужского пола.

Она нервно сглотнула.

— Мне лучше поспать немного. Похоже, что последняя таблетка болеутоляющего перестает

действовать.

Зайяд замер на мгновение, а потом отстранился от нее.

— Если тебе что-нибудь понадобится, я буду в гостиной.

Сердце Мэрайи ушло в пятки.

— В моей гостиной?

Он утвердительно кивнул:

— Да, на кушетке.

— На кушетке?

Прямо за входной дверью в спальню? Он — на кушетке в ее гостиной?

— Это будет нормально, да? — спросил он, поднимаясь с кровати. — На тот случай, если тебе ночью понадобится моя помощь.

— Да, конечно, — пробормотала она.

— Ну, тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответила Мэрайя, — и еще раз спасибо.

Когда он ушел, она откинулась на подушки и закрыла глаза.

Ох, какие же чувства она только что пережила. Его губы были так близко! Она представляла, что его поцелуй будет чем-то волшебным, особенным.

При одной только мысли об этом ее тело охватило желание — именно то чувство, которое Мэрайя больше всего боялась испытать снова. Потому что оно делало ее уязвимой.

— Ну, я на месте, — сказала Джейн по телефону десять минут спустя. — Дом — просто огромный, а актриса — настоящая анорексичка, но мне кажется, что ей очень понравились мои уроки по кулинарии. — Девушка не секунду замолчала. — Постой-ка, что с тобой случилось?

— А почему ты подумала, что что-то случилось? — спросила Мэрайя, отбрасывая здоровой ногой покрывало и пытаясь дотянуться до бокала с вином, который Зайяд оставил нетронутым.

— Ты не прервала меня и не хмыкнула, когда я назвала эту актрису анорексичкой. Так что случилось?

После доброго глотка вина Мэрайя призналась:

— Я принимала ванну и, когда пыталась выбраться оттуда, поскользнулась.

— Боже мой, с тобой все в порядке?

Мэрайя подумала о том, чтобы сказать Джейн правду, но ей совсем не хотелось, чтобы Джейн бросилась к ней на помощь сломя голову.

— Это просто растяжение. Со мной все в порядке, если не считать пятнадцати минут унижения, которые мне пришлось перенести.

— О каком унижении ты говоришь? Ты упала...

— Голая, совершенно голая. И я лежала на нашем прекрасном банном коврикe, когда наш сосед, мистер Великолепный, услышал мои крики и, словно супергерой, поспешил мне на помощь.

— Ты врешь!

— Неужели похоже, что я вру?

— Ух, ты. И что было потом?

Мэрайя сделала еще глоток вина.

— А потом он поднял меня, отнес в постель, вызвал своего врача и известил меня о том, что он останется со мной до тех пор, пока ты не вернешься.

— Я буду дома через два часа, — заявила Джейн, в ее голосе слышалась паника.

— Нет, — твердо сказал Мэрайя. — Я и моя лодыжка не будем вставать между тобой и деньгами для твоего ресторана.

— Забудь об этом. О тебе заботится совершенно чужой человек.

— Нет, все нормально. Он тоже вполне нормальный. Вообще-то он... — Мэрайя поставила пустой стакан на прикроватный столик.

— Вообще-то он что, Эмми? — переспросила Джейн.

— Он очень милый молодой человек, если не считать убийственного взгляда, высокомерия и великолепных губ.

— О, правда? — сказала Джейн, широко улыбаясь. — Ну, я рада за тебя, сейчас как раз самое время.

— Нет, нет, нет. Ничего подобного. Если что-то и есть, то это связано с тобой. О чем бы мы ни говорили, все всегда сводится к разговору о тебе.

— Я не понимаю, почему. Я никогда не встречалась с этим парнем. — Джейн помолчала, а потом спросила: — Ты уверена, что мне не стоит возвращаться домой?

— Нет, ты останешься обучать свою актрису и заработаешь кучу денег. Со мной все будет хорошо.

— Ох, почему-то мне так не кажется.

— Спокойной ночи, Джейн.

— Спокойной ночи.

Мэрайя повесила трубку и выпила еще одну таблетку болеутоляющего. Ее мысли были

обращены на нового соседа и его сексуальное тело, расположившееся на ее старой кушетке.

Если Джейн и нужно вернуться домой, то только для того, чтобы защитить Мэрайю от ее собственных противоречивых чувств. Но Джейн только этим и занималась в течение четырех лет. Разве не пришло время Мэрайе самой защищать себя?

Не ответив на свой вопрос, Мэрайя выключила свет и опустилась на подушки, надеясь, что скоро сон примет ее в свои объятия.

Зайяд услышал, как она встала, и посмотрел на часы.

Двадцать минут второго.

Он до сих пор не спал. Просто не мог уснуть. Пока он пытался устроиться поудобнее на узкой и короткой кушетке, его мозг напряженно работал, но не над тем, над чем надо было. Зайяд думал о нежности кожи своей пациентки, о ее запахе и о голоде в ее глазах. Он слабел под одним лишь ее взглядом и был готов сражаться с кем угодно, лишь бы снова пережить этот момент.

Вдруг он услышал ее шаги.

— Мисс Кеннеди?

Она открыла рот от удивления. Поднеся руку к губам, Мэрайя излишне громко произнесла:

— Ты меня до смерти напугал.

— Прошу прощения.

Она ухватилась за подоконник, чтобы устоять на ногах, и посмотрела на него. Она выглядела прекрасным призраком в бледно-желтом свете фонаря за окном, и Зайяду пришлось приложить усилия, чтобы не подняться с кушетки и не наброситься на нее.

— Почему ты встала с постели?

— Просто так.

— Тогда позволь мне проводить тебя обратно в спальню. — Он понимал, что совершает ошибку, наседая на нее, но другого выхода не было. Она нуждалась в его помощи.

Мэрайя оперлась на подоконник, опустив глаза в пол.

— С тобой все в порядке? — спросил Зайяд.

— Я точно не знаю. Похоже, что не совсем.

Он взял ее за подбородок и посмотрел ей в глаза:

— Ты приняла еще одну таблетку?

Мэрайя энергично покачала головой:

— Нет, но я выпила твое вино.

— Это было неправильное решение.

Мэрайя нахмурила брови, передразнивая его, а потом двинулась к нему.

— В обычной ситуации я бы никогда не сказала этого, но сейчас я скажу, что нахожу тебя очень привлекательным.

Он улыбнулся:

— Спасибо, мисс Кеннеди. Я тоже нахожу вас очень привлекательной.

— Не называй меня мисс Кеннеди. Я же не школьная учительница, бога ради. — Мэрайя уронила голову ему на грудь. — Но я думаю, что стала монашкой. Может быть, тебе лучше называть меня сестра Мэрайя?

Зайяд нежно провел рукой по ее щеке:

— Я бы назвал тебя живой и желанной, изголодавшейся по тому, что необходимо удовлетворить или...

— Или я просто взорвусь.

— Возможно.

Она вздохнула:

— Я знаю, знаю. Мое воздержание длилось так долго.

— Тебе нужно поспать, Мэрайя. Позволь мне отнести тебя в постель.

— Нет. — Она смотрела ему в глаза, прикусив губу. — Кажется, я собираюсь поцеловать тебя.

Зайяд ничего не ответил, просто обнял ее за плечи, видя, что она готова это сделать. Он просто не мог ей позволить сделать это, пока она в таком состоянии. В конце концов, он — не подлец. По крайней мере он старался изо всех сил не быть им.

Нет, он не должен этого допустить.

Но у него не было выбора, потому что Мэрайя приблизилась к нему, обняв его за шею и проведя рукой по волосам. Улыбнувшись, она притянула его голову к себе и поцеловала его в губы. Это было не похоже на него, но Зайяд позволил ей управлять, взять контроль над ситуацией и удовольствием, которое было необходимо ее телу.

Он пытался успокоить биение своего сердца, ослабить тиски, охватившие его грудь, но это было не просто. Ее поцелуй был медленным и чувственным, а губы — влажными и нежными. Он больше не мог сдерживать себя. Слегка прикусив ее нижнюю губу, он прижался к ней, позволив ощутить возбуждение, охватившее его.

С большим усилием Мэрайя смогла на мгновение оторваться от него. Глаза ее были влажными.

— Уже много лет у меня этого не было.

Зайяд застыл, продолжая обнимать ее. Много лет? Это не могло быть правдой. Для него было просто невозможно, чтобы такая удивительная женщина много лет не знала поцелуев

мужчины.

Ее глаза закрывались, и Зайяд понял, что она начинает засыпать. Он обнял ее и поднял на руки. Ее голова лежала на его плече, пока он нес ее в спальню.

— Завтра ты проспишь до обеда, Мэрайя.

— Нет, — пробормотала Мэрайя. — Завтра я должна навестить маму Тару.

— Твою маму? — спросил Зайяд, совершенно сбитый с толку. — Я думал, что у тебя нет родственников, которые могли бы позаботиться о тебе...

— Она мне не настоящая мать.

Зайяд подумал, что не стоит больше ее ни о чем спрашивать. Она была измождена и находилась под воздействием таблеток и вина. Сейчас ей лучше поспать.

Он положил ее в кровать, подоткнув со всех сторон одеяло, но Мэрайя не уснула сразу. Она смотрела на него с грустной улыбкой.

— Понимаешь, мои родители умерли, когда мне было двенадцать лет. Моя бабушка воспитывала меня до восемнадцати лет, а потом и она умерла. Пока она была жива, она не могла уже активно передвигаться, так что мать моей лучшей подруги — Тара — взяла меня к себе под крылышко. Она относилась ко мне как к дочери и полностью заменила мне мать.

Это стало для него шоком, он почувствовал себя отстраненно, словно был вне времени и этой комнаты.

— Твоей лучшей подруги?

— Да, Джейн.

Зайяд внутренне напрягся. Неужели она говорит о той же Таре?

— А где сейчас эта женщина?

Мэрайя закрыла глаза и откинулась на подушку.

— Она живет в Оджайи в прекрасном доме для престарелых.

— В доме для престарелых? Она ведь не больна? — Зайяд задавал вопросы, на которые уже знал ответы, но он хотел знать точно.

— Нет. Она — слепая.

У него пересохло в горле. Эта была та самая Тара.

Прежде чем Зайяд увидел фотографии, которые подготовили его детективы, он составил себе мысленно портрет американской возлюбленной своего отца — коварной и интересующейся только могуществом и богатством своего любовника. Он представлял ее себе такой же, как и мать своего сына, но на фотографиях он не увидел ни одного из этих признаков.

— Ты увидишься с Тарой завтра, — сказал он Мэрайе.

Она подняла веки и посмотрела на него, хмельная и очень красивая в лунном свете.

— Но как? Этот твой врач...

— Я сам отвезу тебя.

— Он сказал, что я должна оставаться в постели в течение двух дней.

— Он хотел, чтобы ты не надевала обувь, так что ты не будешь ее надевать.

Мэрайя прищурилась:

— Ты заботаешься обо мне, помогаешь мне с моим новым делом и собираешься отвезти к Таре. Чего ты от меня хочешь?

Зайяд не ответил на ее вопрос, но на полпути из комнаты повернулся и сказал:

— Отдыхай. Мы выезжаем завтра в девять.

Глава шестая

На следующее утро ее гордость страдала так же, как и лодыжка.

Мэрайя сидела на пассажирском сиденье в черном лимузине Зайяда. Ее кресло было немного откинута назад, а больная нога покоилась на груди подушек. Зайяд хотел, чтобы она чувствовала себя максимально комфортно, но все было напрасно. Больше всего ей хотелось провалиться среди этих серых кожаных сидений. Она помнила все, что произошло прошлой ночью: ее опьянение от вина, руки Зайяда, которые по-джентльменски поддерживали ее за талию, и его не совсем джентльменский поцелуй.

Последнее воспоминание заставило ее улыбнуться. Черт возьми это вино и эти таблетки! От них у нее совершенно помутился разум. Она не должна вести себя как подросток.

Мэрайя посмотрела на Зайяда, задержав взгляд на его точеных чертах лица и прекрасных, соблазнительных губах, вкус которых она узнала прошлой ночью. Интересно, что он о ней думает? Он ничего не сказал о том, что произошло прошлой ночью, и даже в его глазах Мэрайя не могла ничего прочесть. Наверное, с таким выражением лица он бросает женщин.

Может быть, он и не хотел целовать ее прошлой ночью. Скорее всего, он сделал это из жалости к бедной одурманенной калеке.

Мэрайя мысленно застонала.

Что может быть хуже этого?

Ее взгляд скользнул от его лица к шее, а потом еще ниже. Вчера она чувствовала прикосновение его рук, твердых и мускулистых. Плохо, что он сегодня скрыл их под длинными рукавами рубашки, лишая ее возможности помечтать.

Мэрайя нахмурилась, переворачиваясь в кресле. Ей просто необходимо отвлечься от этих дурных мыслей и переключиться на более безопасные темы.

Она огляделась вокруг:

— Хорошая машина.

— Спасибо.

— Должно быть, ты продаешь много мечей.

Зайяд напрягся:

— Они очень популярны.

— Я в этом уверена.

— На свете много людей, которые любят красивые клинки.

— Конечно. Только почему ты работаешь в Венту-ре, а не в Лос-Анджелесе? Там же лучше...

— Лучше что?

— Ну, там более выгодное место для продажи мечей. В этом городе полно звезд и эксцентричных людей, которые с удовольствием добавляют меч к своей эклектичной коллекции искусства.

Зайяд высокомерно посмотрел на нее.

— Ты думаешь, что смысл жизни состоит в деньгах?

Этот вопрос вызвал у Мэрайи смех. Впервые в жизни ее обвинили в этом.

— Конечно, нет. Посмотри, какой работой я занимаюсь.

Зайяд пожал плечами:

— Возможно, ты занимаешься этой работой не только из чистого альтруизма.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не знаю. Я ничего не знаю о твоём прошлом, не знаю, что заставляет тебя принимать такие решения сейчас, но то, как ты говоришь о мужчинах, о делах своих клиенток, это...

— Это — личное, мистер Фандал. — Она прервала его, в голосе послышались металлические нотки.

Зайяд ничего не сказал, и Мэрайя смотрела мимо него на океан — дикий, но приветливый, немного пугающий. Песок на берегу был мелким и ровным.

Зайяд видел эту женщину мягкой и нежной прошлой ночью, и в ней не было ничего от той жесткой и решительной адвокатши, которую он узнал в первый день знакомства. Ему понравилось то, что он увидел, а теперь снова вернулась та жесткая женщина...

Мэрайя взглянула на него:

— Послушай, я не хотела тебя обидеть...

Зайяд повернулся к ней, в глазах сквозило веселье.

Она робко улыбнулась:

— Дело в том, что ты прав. У меня был негативный опыт в прошлом, который заставляет меня сейчас принимать подобные решения. Но если честно, я верю, что причины, из-за которых я занимаюсь тем, чем занимаюсь сейчас, совершенно альтруистичны изначально. — *По крайней мере, я на это надеюсь.* Запоздавшая мысль пришла ей в голову, но она не стала проверять ее. Вместо этого Мэрайя решила вернуться к знакомой теме разговора.

— Итак, вернемся к нашему разговору. Вентура, Калифорния. Почему?

— Будет ли это звучать слишком поэтично, если я скажу, что океан прекрасно освежает мои унылые чувства?

Мэрайя продолжила свою мысль:

— Значит, блеск и роскошь Голливуда наскучили тебе и поэтому ты решил выбрать более простую и размеренную жизнь?

— Совершенно верно. — Он улыбнулся и подмигнул ей. — Я думаю, что вы понимаете меня, мисс Кеннеди.

— Ради бога, не называй меня мисс. Я — Мэрайя, а ты...

— Да, а кто я?

Ты великолепный, щедрый и невероятно интересный, а еще — ты просто неотразим.

— Я приберегу этот ответ до тех пор, пока получше не узнаю тебя.

— Значит, ты планируешь получше узнать меня?

Сердце Мэрайи бешено забилось в груди, но она смогла спокойно произнести:

— Ну, с тех пор как мы столько времени проводим вместе, я не знаю, есть ли у меня другой выбор...

Зайяд улыбнулся, его улыбка была невероятно сексуальной.

— Мне это нравится.

Боже, помоги мне, взмолилась Мэрайя. Она отвернулась от него и стала смотреть прямо перед собой на дорогу. Боль в лодыжке больше не беспокоила ее, потому что другая боль — в сердце, в груди и во всем теле — не оставила ей места.

Оджайи... Они ехали и ехали, поднимаясь все выше в горы, через весь город, и с ними не было никакой охраны, как и приказал Зайяд.

Ему очень понравилось это место, потому что оно напоминало ему Эманд, в особенности сады во дворце султана — фруктовые деревья, прекрасные газоны и небо такое синее, что на мгновение ему показалось, что он дома.

Зайяд улыбнулся. Единственное, чего здесь не было, так это золотых песков. Но он знал, что золотые пески рядом с ним. Они были в глазах Мэрайи.

— Я люблю приезжать сюда, — сказала Мэрайя, отрывая Зайяда от его мыслей. — Это место так отличается от пляжной зоны, понимаешь?

Они въехали на Мейн-стрит.

— Эти горы — прекрасны, как и фруктовые деревья.

— Это место такое умиротворяющее. Когда-нибудь я бы хотела перевести сюда свою практику. Поселиться здесь. Может, даже завести лошадь...

— Тебе нравится ездить верхом?

— Да, хотя я и не очень хорошо держусь в седле, но мне нравится это чувство — человек и лошадь как единое целое.

Лошадь и всадник — единое целое. Зайяд и сам говорил это много раз. Он скользнул взглядом по ее белому платью — ей обязательно понравится его страна.

— И конечно, мне нравится быть ближе к Таре.

Ах да, подумал Зайяд, настроение его сразу же ухудшилось. Ведь причина, по которой он приехал сюда сегодня, — Тара.

— А что думает Джейн? Она тоже хочет жить поближе к матери?

Упоминание о Джейн заставило Мэрайю слегка нахмуриться.

— Конечно, хочет. Она даже пыталась устроиться здесь на работу, но конкуренция очень жесткая, а денег предлагают меньше. Так что она очень много работает, чтобы открыть здесь свой собственный ресторан.

Зайяду хотелось немало сказать по этому поводу. Джейн — принцесса Эманда. Ей не нужно работать, если она не хочет, а если ей захочется, то все двери будут открыты перед ней, а деньги больше не будут играть роли. Но она будет жить в Эманде, а не в Оджайи.

Он повернулся к Мэрайе:

— Если Джейн переедет сюда, то что будет с тобой?

— Что?

— Она ведь твоя самая близкая подруга, не так ли?

Мэрайя помедлила с ответом, сердце ее внезапно сжалось. Она нервно сглотнула:

— Она — моя лучшая подруга.

— И у тебя нет мужчины, правильно?

— Мы же уже обсуждали это, не так ли?

— Да, обсуждали, — засмеялся Зайяд.

— Кстати, это — случайность.

— Да, конечно. Но я говорю о том, что если твоя подруга переедет, то что останется тебе?

Мэрайя неопределенно пожала плечами:

— Думаю, что я останусь в одиночестве.

— Это будет хорошо для тебя?

— Почему нет? Я тебя тоже не представляю с женой и кучей друзей. Должно быть, и для тебя это хорошо.

Зайяд помедлил с ответом:

— Да, но дело в том...

— В чем?

— Мужчина может прекрасно себя чувствовать...

— А вот этого не надо, друг мой. — Мэрайя отрицательно покачала головой. — Даже не говори мне, что мужчина запрограммирован на странствия в одиночестве и ему никогда не потребуется связать себя узами с постоянным партнером. А также то, что женщине просто необходим мужчина для того, чтобы она чувствовала себя счастливой и состоявшейся.

Зайяд пожал плечами.

— Хорошо, я не буду этого говорить, ведь у меня не получится выразить это словами так же хорошо, как только что это сделала ты, — улыбнулся он.

Мэрайя улыбнулась в ответ. Этот парень был умен и чертовски красив, он заставлял ее почувствовать себя слабой во многих вещах. Она покачала головой:

— Думаю, я не имела в виду то, что возможно найти настоящее счастье с одним человеком. Я не верю в сказку о счастье на всю жизнь и не верю в родство душ.

— Я тоже не верю. Я всегда чувствовал себя более счастливым, когда был один.

Почему его признание так огорчило Мэрайю, если ее же собственное наполнило ее уверенностью?

Зайяд продолжил:

— Но я никогда не встречал женщину, которая чувствует то же самое.

— Ты удивлен?

— Очень, — ответил он. — Ты только и делаешь, что удивляешь меня, Мэрайя.

От его взгляда у нее стало тепло на сердце, она отвернулась и посмотрела на дорогу. Они всего лишь в одном квартале от дома Тары — это очень хорошо. Потому что еще пара минут, и она не выдержит и скажет Зайяду, что собирается поцеловать его и увлечь на заднее сиденье машины.

Она глубоко вздохнула и сказала:

— Поверни на следующем светофоре.

Комната, в которую их провели, была раскрашена в яркие, живые цвета. Зайяду показалось интересным, что женщина без зрения живет в такой яркой атмосфере. Мебель тоже соответствовала — там было много предметов красного, золотого и синего цветов, и, несмотря на это многообразие, комната выглядела очень удобной и комфортной, хотя там было и немного места.

Он также увидел гончарный круг, установленный в углу комнаты таким образом, что сидящий за ним смотрел на высокие окна, откуда дул легкий ветерок.

Когда служащий, проводивший их сюда, ушел, Зайяд указал рукой на круг и спросил Мэрайю:

— Кто же творец?

— Тара.

— Она живет здесь одна?

— Да.

— Но как же она может работать?

— Она — удивительная женщина, — улыбнулась Мэрайя. — Ее ничто не может остановить, особенно если она чего-нибудь очень сильно хочет.

— У меня гости, — раздался бодрый голос.

Зайяд поднял глаза и увидел высокую, стройную, длинноногую женщину лет пятидесяти с короткими светлыми волосами, которые чуть тронула седина. На ней было развевающееся оранжевое платье и в тон к нему — серьги. Она была очень красива, но дело было не только в ее внешнем облике. Эту женщину переполняли жизнь, счастье и открытая душа. Зайяд сразу понял, почему его отец обратил внимание на эту женщину.

Тара уперла руки в бока:

— Где же моя любимая Мэрайя? Почему она не бежит со всех ног, чтобы обнять меня?

— Я бы с удовольствием, Тара, — сказала Мэрайя. — Но я вчера вечером растянула ногу.

Услышав голос, Тара сразу направилась в ее сторону. Она села рядом с ней на кушетку, лишь едва нащупывая рукой.

— Ну, это не важно. Ты приехала, моя малышка, вот что главное. Ну, так что случилось с твоей ногой?

— Это просто небольшое растяжение. — Мэрайя посмотрела на Зайяда и улыбнулась. — Не беспокойся.

Тара наигранно рассердилась:

— Это мое право беспокоиться о тебе.

Мэрайя засмеялась:

— Я знаю.

— Значит, ты не сама приехала, не так ли?

Тара повернулась и посмотрела в сторону Зайяда.

— Так кто приехал с тобой сюда?

Зайяд отступил назад, ощущая странное чувство оттого, что Тара так легко обнаружила его.

— Как ты... — засмеялась Мэрайя — Ну, конечно.

Ну, конечно? Что это значит?

Он ведь не издал ни одного звука, не сделал ни одного движения, ничем не выдал своего присутствия здесь. Зайяд хотел знать, что это за чудо.

— Это мой сосед, — объяснила Мэрайя. — И мой друг. Он любезно согласился отвезти меня сюда, хотя я и так доставила ему немало беспокойства.

— О, моя девочка, ты просто очаровательна. — Тара встала, подошла к Зайяду и протянула руку. — Не так ли?

— Это так.

Тара сдвинула брови:

— А у этого друга есть имя?

Зайяд взял ее руку и поцеловал:

— Меня зовут Зайяд.

Замешательство, а потом и беспокойство отразились на лице Тары, она убрала руку. Все тепло, доверие и оживление исчезли, и Зайяд удивился тому, как хорошо она знала своего возлюбленного. Она знала даже имена детей...

— Вы голодны? — спросила Тара, быстро оправившись от своих чувств и отвернувшись от него.

— Немного, — сказала Мэрайя.

— Хорошо. Я приготовлю ланч, а потом мы поболтаем. Мне не терпится узнать, что случилось с тобой, а также выяснить, что заставило твоего соседа так далеко уехать из дома.

— Могу я помочь вам, миссис Хефнер? — спросил Зайяд.

Тара направилась в другую комнату:

— Нет, спасибо.

Когда они остались одни, Мэрайя повернулась к нему и сказала:

— Это было хорошее предложение, но она все любит делать сама. И она не миссис. Тара

никогда не была замужем. Думаю, она была без ума от отца Джейн и не могла думать ни о ком другом, после того как он оставил ее.

Влюблена...

Зайяд разозлился.

— В чем дело? — спросила Мэрайя, глядя на него.

Зайяд покачал головой:

— Я просто подумал о том мужчине, который оставил ее.

— Настоящий подлец, правда?

— А ты откуда знаешь?

— Джейн мне рассказывала.

Зайяд почувствовал приступ гнева, вспомнив глупого помощника своего отца. Мысль о том, что его сестра думает, будто отец не хотел знать ее, была просто невыносимой. Не смотря на то, что мать его собственного сына хотела лишь богатства, Зайяд всегда говорил сыну только хорошее о ней и объяснял ему, что она не приезжает повидать его потому, что плохо себя чувствует, но все равно любит его.

— Не желать знать своего ребенка, — Мэрайя покачала головой, — это просто ужасно.

— Может быть, он не знал о его существовании.

Мэрайя удивленно посмотрела на него:

— Что заставило тебя сделать такое предположение?

Он не мог ответить ей, да и не хотел, потому что к ним присоединилась Тара. Она принесла большое блюдо, наполненное едой.

— Холодный цыпленок, картофельный салат и бисквиты.

Зайяд помог ей сервировать стол, и они приступили к еде. Они сидели за маленьким столиком в небольшом, но очень уютном дворике с видом на горные вершины. Тара в основном разговаривала с Мэрайей. Она хотела знать все о ее новом деле и о стратегии, которую она выбрала. Когда Мэрайя упомянула, что Зайяд собирается помочь ей, Тара отложила недоеденный бисквит на тарелку и спросила у него:

— Так откуда ты, Зайяд?

Она точно знала, откуда он, Зайяд прочел это на ее лице, но все же ответил:

— Я из маленькой страны, которая называется Эманд.

Печаль отразилась на лице Тары.

— Это красивое место? Там растут оливковые деревья? И воздух наполнен пряностями, а песок такой теплый на закате солнца?

— Да. — Его отец так много рассказывал ей о своей стране, что Зайяду даже стало жаль Тару.

— Ты говоришь так, словно была там, Тара, — заметила Мэрайя, опираясь на столик, чтобы встать и взять свои костыли.

— Возможно, в мыслях... — мягко ответила Тара.

— Куда ты собралась? — спросил Зайяд Мэрайю.

— В дамскую комнату попудрить носик, — улыбнулась она, — хочешь со мной?

— Конечно, я тебе помогу.

После того как Зайяд помог ей добраться до ванной комнаты, он вернулся к Таре.

— Ты не мог бы передать мне кусочек сахара, Зайяд, — попросила она. — Как ты успел заметить, я не очень хорошо вижу.

— Я думаю, что вы очень хорошо видите, мадам.

— Спасибо. Я много работала над тем, чтобы выглядеть нормальной. — Тара улыбнулась ему. — Мэрайя, наверно, уже сказала тебе, что я не всегда была слепой. Мебель, которую ты здесь видишь, была со мной долгие годы, и пять лет назад, когда зрение стало ухудшаться, осознание того, что я все же могу различать цвета, сильно помогло мне в те суровые месяцы.

— Должно быть, вам было очень трудно.

— Да, в начале. Но я привыкла к темноте. Я ищу свет в других вещах и в людях.

Эти слова заставили его подумать о Мэрайе. Под своей жесткой маской она была полна света, огня, чувств.

— Я должен вернуться к Мэрайе, — сказал Зайяд, — возможно, мы сможем поговорить в другой раз.

— Мне нужно проверить свой ежедневник...

— Мы должны поговорить, Тара.

Сжав губы, она с силой поставила стакан с лимонадом на стол:

— Я знаю, почему ты приехал.

— Неужели?

— Да, из-за Джейн. Она хорошая девочка, Зайяд. Но ей не нужно знать правду. Не сейчас. И ей не нужно излишнее внимание к себе.

— Я понимаю ваше желание сохранить тайну, поверьте мне. Но правда в том, что Джейн — принцесса, и от этого никуда не деться.

Не важно, согласится ли ее мать или нет, Джейн должна знать о своем происхождении.

Лицо Тары наполнилось страданием, когда она услышала слова Зайяда. Наконец она сказала:

- Приезжайте в пятницу.
- Я буду здесь.
- И ты ведь не откажешься выслушать меня?
- Конечно, нет.

Правдивая история — главное, чего он хотел. Зайяд извинился и встал из-за стола, чтобы помочь Мэрайе.

Глава седьмая

По дороге домой Мэрайя украдкой наблюдала за Зайядом. Хотя он по-прежнему выглядел великолепно, он вдруг стал холодным и невероятно задумчивым. Это удивляло девушку, она хотела знать, не произошло ли чего-нибудь между Тарой и Зайядом, пока она была в ванной комнате. Но что Тара могла сказать ему? Что сделало его таким отчужденным?

От внезапной мысли сердце ее ушло в пятки. Мэрайя искренне надеялась, что Тара не говорила с ним по поводу ее самой, ведь это было вполне в духе Тары. Ее девизом было — девочке вновь надо вернуться в седло.

«Хорошая прогулка быстро сотрет с твоего лица это хмурое выражение, Мэрайя».

Как же!

Может быть, необходимо успокоить Зайяда по поводу ее намерений устроить свидание или ночь дикого секса.

— Послушай, Зайяд, почему бы тебе не взять сегодня выходной?

В этот момент слева их обогнал многотонный грузовик, поэтому Зайяд ответил не сразу:

— Прошу прощения?

— Видишь ли, я очень люблю пиццу, и ее достаточно просто заказать по телефону. Я прекрасно устроюсь на кушетке, посмотрю телевизор, может быть, какой-нибудь старый черно-белый фильм, или, может быть, углублюсь в работу. Что-то подсказывает мне, что и тебе необходимо вернуться к своей работе.

— У меня достаточно времени для этого.

— А разве тот маленький домик на заднем дворе не зовет тебя? Я полагаю, что это твой офис?

— Откуда ты узнала об этом?

— Я заметила его сразу же, как только переехала туда и думала о том, чтобы устроить там свой офис.

— Так в чем же дело?

— Я просто не могу себе этого позволить.

— А, понятно.

— В любом случае мне кажется, что ты уже достаточно сделал для меня. Займись своими делами.

Зайяд удивленно поднял брови:

— Ты пытаешься избавиться от меня, Мэрайя?

Я просто пытаюсь вновь стать девственницей.

Нет, не так.

Я просто пытаюсь спасти себя от разочарования, когда ты откажешь мне, а я буду влюблена в тебя окончательно и бесповоротно.

— Зайяд, я думаю, ты заслужил отдых. Ты замечательно ухаживал за мной, готовил мне еду, отвез меня к Таре.

— Мне приятно слышать эти слова, но я чувствую себя ответственным за тебя и твое здоровье.

— Это очень мило с твоей стороны, но рыцарь в сверкающих доспехах — это...

Ну, на самом деле это так здорово, что я просто таю.

— Этот разговор бесполезен.

— Но...

— Мэрайя, так же как и ты, я весьма силен в дискуссиях и спорах.

— Да, я заметила, — улыбнулась она.

Зайяд переключился на четвертую, а потом и на третью скорость, когда они свернули с шоссе и въехали на главную улицу города.

— Ты много знаешь о мечях? — спросил он.

— Нет, немного, но мне очень нравятся антикварные произведения искусства.

На самом деле она находила это настолько интересным, что заглянула сегодня утром в Интернет, когда Зайяд ушел к себе, чтобы переодеться.

Он свернул на их улицу, припарковал машину и выключил зажигание.

— Если ты хочешь, то сегодня вечером мы могли бы познакомиться поближе.

Мэрайя вцепилась в ручку двери:

— Что ты имеешь в виду?

— Ты придешь ко мне в гости, мы закажем пиццу, а потом, если тебя это действительно интересует, я покажу тебе свою коллекцию.

У Мэрайи все сжалось внутри. Это было сказочное предложение.

Она решила умерить свой энтузиазм, ведь Зайяду совсем не обязательно знать, насколько ее

это интересует.

— Может быть, я смогу высказать тебе свежее мнение по поводу некоторых экспонатов?

Зайяд засмеялся:

— Посмотрим.

О, он такой самоуверенный.

Зайяд вышел из машины, подошел к пассажирскому сиденью и помог ей выйти. Несколько мгновений он стоял, положив ее руки к себе на плечи и задержав ладонь на ее бедре.

— Посмотрим, куда этот вечер приведет нас.

Мэрайю обдало жаром от этих слов, и она поняла, что согласно кивает ему, когда он уже поднял ее на руки.

— Этого человека зовут Чарлз Уэйдон.

Тридцать минут спустя Зайяд стоял в своей скудно обставленной гостиной, украшенной потертыми коврами, и давал своему помощнику адрес бессовестного мужа клиентки Мэрайи.

— Наблюдение за ним должно вестись двадцать четыре часа в сутки. Я хочу знать, куда он ходит, с кем встречается. Мне нужны фотографии, Фандал. Даже его мусор вы должны проверять.

— Да, сэр.

— Это очень важно.

— Я понимаю, сэр.

Зайяд повернулся спиной к своему помощнику и взял телефонную книгу. Он сам закажет эту пиццу для Мэрайи и сам накроет на стол. Он не будет обсуждать мотивы такого бессмысленного поступка и свое желание побыть обычным человеком сегодня вечером и в течение следующих двух недель.

Хотя его слугу это очень волновало.

— Могу я спросить, Ваше Величество... сэр?

— Да, Фандал?

— Почему вы помогаете этой женщине?

— Я дал ей слово.

— Да, но почему? Она ведь не та, которую вы ищете.

Да, это верно, но Мэрайя была красива и злилась на весь мир — это интриговало Зайяда. Он хотел быть ближе к ней из-за ее внутреннего огня, даже если его жар и не всегда был приятным. И ему хотелось помочь. Да, он привык многие вопросы решать с помощью денег, но

ни одна женщина не нуждалась в его дружбе, в доброте его души.

Это было очень необычно. И увлекательно.

Но Зайяд не мог позволить своему помощнику узнать об этом.

— Она — ключ к тому, чего я хочу. Она ближайшая подруга моей сестры. Я уверен, что если узнаю ее, то смогу узнать и Джейн. — Он перелистывал справочник в поисках ближайшей приличной пиццерии. — Мэрайю Кеннеди необходимо ублажать, у нее должно быть все, что она пожелает.

— Я понял, сэр.

— Ты можешь идти, Фандал.

Слуга поклонился и вышел из комнаты.

Зайяд протянул руку к телефону. Чего он не мог понять, так это свое влечение к Мэрайе. Непреодолимое желание выбивало его из привычной колеи.

В Эманде, если его интересовала женщина, он предлагал ей ночь удовольствий, а потом — все, что она пожелает, кроме своего сердца. Ни к одной из этих женщин он не чувствовал глубокой страсти, в них не было загадочности. Оба, и Зайяд и его возлюбленная, удовлетворяли свои нужды и расставались довольные друг другом.

Но Мэрайя Кеннеди была особенной, не такой как все. Едкий юмор и тень глубоко израненного сердца в ее глазах... Зайяду казалось, что он прекрасно знает и понимает ее. Однажды она сказала, что не верит в родство душ, и он согласился с ней, но если бы он верил в эти глупые выдумки, то мог бы с уверенностью сказать, что эта женщина предназначена для него.

И один раз он ощутил вкус ее губ.

Его пальцы набирали номер телефона пиццерии Харрисона. Он может некоторое время сдерживать свое желание, но если она снова поцелует его, то его не остановит такое неподходящее в тот момент чувство, как честь.

Мэрайя будет его женщиной.

— Я похожа на пиццу пепперони — классическая, немного острая, но всегда доставляющая удовольствие, — улыбнулась Мэрайя и отправила в рот кусочек пиццы. Ее забинтованная нога лежала на подушке, а сама она, одетая в джинсы и черную футболку, лежала на таком же, как и в ее гостиной, желтом ковре.

Напротив нее, облокотившись на рыжую кушетку, лежал Зайяд, держа в руках свой кусок пиццы с оливками и грибами.

— Ты уверена, что говоришь о себе, Мэрайя?

Мэрайя помолчала, вспоминая предыдущий разговор.

— Конечно, это могла быть я, но только зале суда.

— Почему?

— Потому что в суде я ношу классические костюмы и я довольно острый противник.

— А от чего ты получаешь удовольствие?

Хороший вопрос, подумала Мэрайя, и ее пульс резко участился. И ведь спросил он это с такой дьявольской усмешкой!

— Думаю, от своих побед.

— Которых немало, я уверен.

Мэрайя взяла еще один кусок пиццы и промолчала, не желая разочаровывать Зайяда. Это было правдой лишь отчасти. В прошлом году она вряд ли проиграла хоть одно дело, а теперь, всего месяц назад, что-то изменилось. Ее отношение? Она потеряла уверенность? Мэрайя не была уверена в этом, но она проиграла три последних дела.

— А что насчет тебя? — спросила она, быстро сменив тему.

— Меня?

— Да, к какому виду пиццы ты себя относишь?

— У меня плохо получается описывать себя самого.

— Ну, давай попробуем.

— Зеленые оливки, — начал Зайяд задумчиво, — грибы и жгучий красный перец.

— Интересно, а почему?

— По натуре я жесткий человек, как зеленые оливки. Грибы растут в темных, удаленных местах.

Он выглядел закрытым и не хотел развивать эту тему. Что-то подсказывало Мэрайе, что не нужно его ни о чем спрашивать.

— А теперь пришла очередь и красного перца, — улыбнулся он, и снова в его глазах появилось жгучее желание. — Я, так же как ты, люблю острое.

У Мэрайи перехватило дыхание — так бывает всегда от странного, только начинающего, необычного флирта.

Да, она слишком долго была одна.

Зайяд доел кусок своей пиццы, в его бутылке осталось еще немного пива.

— Я думаю, настало время для моего путешествия к домику на заднем дворе. Если ты захочешь остаться здесь и посмотреть телевизор, то я не обижусь. Наблюдать за моей работой — это невероятно скучно для всех, кроме меня.

Он шутит? Три куса пиццы и бутылка пива уже сделали свое дело — Мэрайя была готова смотреть мечи своего сексуального соседа и, возможно, даже получить от него еще один поцелуй.

— Нет, я хотела бы пойти вместе с тобой.

— Очень хорошо. — Зайяд поднялся на ноги. — Идти здесь недалеко, но я думаю, даже это будет слишком для твоей ноги. Я отнесу тебя на руках, хорошо?

Мэрайя кивнула в ответ и позволила ему снова взять ее на руки. Если честно, то ее лодыжке стало гораздо лучше, да и передвигаться на костылях было легко и удобно, но мисс Ультрафеминизм чувствовала настоящее удовольствие, находясь на руках этого мужчины.

Ночь была безоблачной и звездной, а луна светила невероятно ярко. Зайяд вынес ее из дверей патио во двор, где ароматно пахло свежескошенной травой. Прогулка заняла всего несколько минут, но настроение менялось с каждым шагом. От света к полумраку, а потом — к полной темноте заднего двора...

Мэраие всегда нравился маленький «пряничный» домик на заднем дворе, но она никогда не была внутри. Зайяд провел электронной картой по кодовому замку, и они вошли. Первое, что увидела девушка, это простые каменные стены, прекрасный пол из наборного паркета и несколько светильников на потолке. Белая кушетка и стул были отодвинуты к одной из стен, чтобы освободить пространство для нескольких больших, черных бархатных кейсов.

Зайяд отнес Мэрайю на кушетку, убедившись, что ее больная нога приподнята вверх, а сама она чувствует себя удобно. Потом подошел к кейсам и открыл их. Металл матово блеснул в свете ламп. Зайяд с необычайным благоговением достал два меча и принес их Мэраие.

— Эти два скоро отправятся к сыновьям шейха Джейрана. Эта страна расположена к югу от Эманда.

— Надо же, ты продаешь мечи шейхам?

Он лишь улыбнулся в ответ и положил длинный меч ей на колени:

— Это — персидский меч. — Его пальцы медленно прошлись вдоль лезвия вверх к замысловато выполненной гравировке на рукоятке.

При виде этого Мэрайя внезапно ощутила жар внутри живота. Интересно, а если она попросит также ласкать ее, как он только что ласкал меч?

— Обрати внимание на гравировку, — сказал он, их взгляды встретились. — По-английски это значит — в моем сердце нет страха.

Он убрал этот меч и положил ей на колени другой. Рукоятка этого меча была выполнена в форме львиной головы, а на лезвии была сложная решетчатая гравировка.

— Ты держишь в руках раджпутский меч. Это очень старый и очень древний меч. — Зайяд приблизился к ней и улыбнулся. — Говорят, что раджпуты часто заключали браки между враждующими кланами. Держа этот меч, жених извещал всех, кто мог покуситься на его невесту, о том, что это его женщина, и, если возникнет необходимость, он будет сражаться за нее до конца.

Мэрайя смотрела ему в глаза, пульс ее участился.

— Это просто поразительно.

— Я согласен с тобой. — Его взгляд обратился к ее губам. — Если мужчина и женщина решили быть вместе, разве кто-то третий имеет право разделить их, как ты думаешь?

Несмотря на свое негативное отношение к браку, Мэрайя кивнула в ответ. Кто она такая, чтобы не соглашаться с таким романтическим утверждением, когда Зайяд так близко, его глаза устремлены на нее, а губы выглядят такими теплыми и манящими?

Никогда еще в своей жизни она не была так близка к краю пропасти.

— А теперь и наши молодые шейхи так же относятся к своим невестам, — сказал Зайяд. — Думаю, это подходящий подарок.

— Ты хотел сказать, подходящая продажа, — поправила его Мэрайя.

— Да, конечно. — На улице застрекотали сверчки, Зайяд взял в руки раджпутский меч и протянул ей словно священный дар: — Потрогай его.

Девушка протянула руку и пальцами коснулась лезвия:

— Острый.

— Но прекрасный, не так ли?

Он сам прекрасен.

Мэрайе так сильно хотелось поцеловать его, что она была готова схватиться за лезвие и притянуть Зайяда к себе.

— Я уберу это. Думаю, достаточно для сегодняшнего вечера.

Эти слова заставили ее нахмуриться. Убрать мечи — значит, отнести ее домой и положить спать, а этого Мэрайе совсем не хотелось.

Но она ошиблась. После того как Зайяд убрал мечи в кейсы, он подошел к ней и присел рядом на кушетку.

— Как твоя нога?

— Болит немного.

— Может быть, ты хочешь вернуться домой?

— Пока нет.

Он кивнул.

— Тогда тебе следует держать ногу в приподнятом состоянии и в тепле. — Он достал одеяло и накрыл Мэрайю. — Так лучше?

Она не кивнула в ответ, просто не могла этого сделать, потому что ей не стало лучше. Она вдруг почувствовала себя зажатой, несчастной и немного отчаявшейся.

Зайяд приблизился к ней, убрав прядь волос, упавшую ей на глаза:

— Что случилось? Тебе очень больно?

От него пахло мужчиной и металлом, а она так долго была одна.

— Зайяд, прошлой ночью, когда мы целовались...

— Да?

Он выглядел удивленным, но пути назад не было.

— Ты целовал меня, потому что жалел?

— Что?

— Это произошло из-за того, что я была немного не в себе?

Может, не стоило этого говорить или следовало спросить что-то другое?

Она не успела больше ни о чем подумать. Зайяд обхватил ее за плечи и поцеловал так, что ей показалось, сердце сейчас выскочит у нее из груди.

Потом отпрянул от нее, в глазах был гнев.

— Я ничего не делаю из жалости.

— Я просто хотела знать, если...

— Никогда больше не говори таких слов. Этим ты оскорбляешь меня.

Его руки скользнули ниже, обнимая ее за талию. От него веяло чувственностью, но Мэрайя не могла полностью раствориться в этом удовольствии, у нее просто не было на это времени. Его руки были уже под футболкой, ладони нежно гладили кожу, касались ее груди. Под тонким бельем ей стало жарко, соски напряглись.

— У тебя просто волшебные руки, — пробормотала она.

— Ты полна жизни, Мэрайя. — Одной рукой он обнимал ее за шею, покусывая ее нижнюю губу и снова и снова целуя ее.

Когда Зайяд оторвался от нее, Мэрайя с трудом перевела дыхание.

— Ух ты, — прошептала она. Взгляд ее был мягким и податливым, так же как и ее тело.

— Я не знаю этого слова, но звучит оно подходяще.

— Ты мне нравишься, — пробормотала Мэрайя.

— Что?

— Ничего, — она покачала головой.

Его взгляд стал серьезным, он поднял ее за подбородок, заставляя смотреть ему в глаза.

— Посмотри на меня, Мэрайя.

Она отвернулась, чувствуя себя юной девчонкой, совершенно беззащитной.

— Разве ты не видишь, как я смотрю на тебя?

Видела ли она, Мэрайя не знала. Уже очень давно она не позволяла себе смотреть на мужчину как на мужчину, а не на противника в зале суда.

— Думаю, что я не могу сейчас замечать такие вещи, — грустно сказала она. — Мои последние отношения с мужчиной сильно повлияли на меня и на мою уверенность в себе.

— Тебе было больно?

— Очень.

Он крепко прижал ее к себе.

— И это до сих пор причиняет тебе боль?

— Да.

Несколько секунд он молчал и просто смотрел на нее. Мэрайя пыталась угадать, что сейчас творится у него в душе, но темные глаза не выдали его чувств.

Наконец Зайяд отпустил ее.

— Я не хочу причинить тебе боль.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, внезапно почувствовав пустоту и холод. Ей хотелось, чтобы он снова обнял ее.

— Я не буду очередным мужчиной, который причинит тебе боль.

— Подожди. Это совсем не то, что я имела в виду. Я...

Она замолчала на полуслове, почувствовав себя глупо. Потому что больше не будет поцелуев и ласк. Конец их легкому флирту. И это именно тогда, когда она только-только начала возвращаться к нормальной жизни.

— Ты поступила правильно, выбрав осторожность, Мэрайя, — начал Зайяд. — Я не тот мужчина, который готов давать обязательства.

Она снова почувствовала укол в сердце, но внешне осталась спокойной.

— Я не просила об этом.

— Но ты должна была. Ты достойна хорошей жизни, в которой будет все, что ты пожелаешь. Конечно, тогда, когда ты будешь готова к этому.

Разочарование охватило ее.

— Послушай, мне не нужен человек, который говорил бы мне, чего я достойна, а чего нет. Поверь мне, я провела немало часов, размышляя о том, чтобы написать книгу о самопомощи. Мне нужно веселье, секс, ощущение того, что я легче воздуха. А не боль и разочарование.

Зайяд выглядел неуверенным.

— Я думаю, на этом наш вечер должен закончиться, не так ли?

Нет! Ей хотелось кричать об этом, но она промолчала, и Зайяд взял ситуацию в свои руки. Он поднял ее, отнес домой, в спальню, и уложил в постель. Через пятнадцать минут Мэрайя спала и видела сон о мечтах и прекрасном мужчине рядом с ней с обольстительной улыбкой.

Глава восьмая

— Я очень горжусь тобой, Редет.

— Спасибо, отец.

В Калифорнии было около семи утра. Зайяд проснулся рано, встал с маленькой софы в гостиной Мэрайи в надежде поговорить с сыном. Он скучал по нему, хотел услышать его голос, чтобы удостовериться, что с ним все в порядке.

Присев в одно из кресел, стоявших во дворе, Зайяд наблюдал за восходом солнца, на сердце было тепло от любимого голоса.

— Хотел бы я быть таким же умным, как ты в школе.

— А разве это было не так?

В голосе Редета звучало неподдельное удивление, и Зайяд рассмеялся:

— Нет, я совершенно ничего не понимал в цифрах и разных точных науках, но зато я всегда хорошо знал историю.

— А как же спорт?

— Мой отец, твой дед, разрешал мне заниматься спортом только тогда, когда я хорошо сдавал экзамены.

— И какой же вид спорта ты выбирал, если сдавал экзамены хорошо? — смеялся Редет, хотя прекрасно знал, какой.

Зайяд улыбнулся:

— Мечи, сын мой.

В телефонной трубке Зайяд услышал трель звонка и понял, что перемена окончилась.

— Я должен идти, отец. У меня начинается второй урок.

У Зайяда защемило в груди. Хотя он и был мужчиной, но этот мальчик заставлял его сердце болеть.

— Я люблю тебя, сын мой.

— И я тебя, отец. Когда мы увидимся?

— Через пару недель. Я приеду к тебе прямо из Америки, и мы будем кататься верхом и...

— Сражаться на мечях?

— Я нашел особенный меч для тебя. Я привезу его тебе.

Мэрайя слушала этот разговор из открытой двери патио. Слава богу, она слышала только одного собеседника, но ей невероятно хотелось слышать и второго.

Черт возьми Зайяда Фандала!

Почему он не может быть таким же, как и все остальные очаровательные, умные и красивые мужчины, которых она знала? Почему он не такой? Безусловно, он необычайно самоуверенный. Но странным образом это чувство сочеталось в нем с любящим и заботливым, щедрым духом.

Она наблюдала, как его руки держали чашку с кофе, нежно поглаживая пальцем по ободку. У нее все переворачивалось внутри. Его пальцы были длинными и тонкими, теплыми и сильными. Мэрайе хотелось снова ощутить жар его объятий.

Это маловероятно, напомнила она себе. Зайяд вчера ясно дал ей понять свою позицию. Мистер Благородство будет держаться подальше от ее больного, израненного сердца, переполненного горем, от которого она уже и не надеялась избавиться.

Но все-таки у нее получилось, и именно этот мужчина помог ей.

— Храни тебя Господь, сын мой, — сказал Зайяд и замолчал. А потом добавил: — Прощай, Редет.

Когда он закрыл крышку телефона, Мэрайя попыталась быстро развернуться и скрыться в дверях, но с ее больной лодыжкой это вышло неудачно, Зайяд заметил ее.

— Доброе утро, Мэрайя.

— Доброе утро, — она неуверенно улыбнулась. — Прости за то, что подслушала.

— Ничего, все нормально. Ты уже ходишь самостоятельно, без костылей. — Он окинул взглядом ее голые ноги, частично прикрытые футболкой большого размера. — Все еще болит?

— Немного. Но я сегодня себя прекрасно чувствую.

— Как ты спала?

— Отлично.

Если не считать, что всю ночь я ворочалась в постели, мечтая о том, чтобы ты был рядом со мной.

— А какие у тебя на сегодня планы?

— У меня много работы.

— Ну, сначала присядь и позавтракай.

— Позавтракать?

На мозаичном столе не было ничего, кроме кофейной чашки.

— Я могу приготовить яйца, — объявил он, поднимаясь со стула и направляясь к ней. — У меня это уже хорошо получается.

Единственный завтрак, который был ей нужен, стоял перед ней, с влажными волосами и прекрасными черными глазами. Мэрайя пыталась подавить в себе желание притвориться, что у нее сильно болит нога, и упасть. Возможно, он снова подхватит ее на руки, крепко прижмет к себе, а его глаза будут пристально смотреть на нее, и он скажет:

— Не пора ли нам отправиться в постель...

Резкий звонок оторвал ее от идиотских фантазий, и Мэрайя повернулась, чтобы снять трубку с телефона, висящего на стене.

— Алло?

— Эй, привет, это я.

Она посмотрела на Зайяда.

— Привет, Джейн, как проходят занятия?

Зайяд с интересом взглянул на нее, но не остался слушать их разговор, вместо этого он направился в кухню готовить завтрак. Мэрайя вышла во двор и села в кресло, в котором он только что сидел.

— Я хочу рассказать тебе очень смешную историю, — начала Джейн с усмешкой.

— Это хорошо. Веселые истории мне сейчас очень нужны.

После ночи, проведенной в мечтах о Зайяде и его волшебных губах, Мэрайе просто необходимо было отвлечься.

Джейн снова рассмеялась, рассказывая о своей ученице-актрисе и ужасном происшествии со слоеными пирожными.

— Я предупредила, чтобы она не пыталась сделать это самостоятельно, особенно после ночи, проведенной на вечеринке, но знаешь, у нее было свое мнение по этому поводу. Так что все закончилось тем, что мы вызывали пожарную бригаду.

— Звучит здорово.

— Звучит здорово? Что за таблетки ты принимаешь? Я только что сказала, что... — Джейн замолчала на минуту, а потом спросила: — Подожди минутку. А где сейчас мистер Высокий, Темноволосый и Прекрасный?

— Готовит завтрак, — застенчиво сказала Мэрайя.

— О боже мой, ты спала с ним.

— Нет!

— А он был предназначен для меня, — с драматизмом в голосе пропела Джейн.

— О, Джейн, нет. Это не то, что... Ты все неправильно поняла.

— Я шучу. Парни никогда не играли для меня важной роли. Я даже не знаю его и не знаю, насколько он великолепен. — Она рассмеялась. — Да ладно, у тебя, очевидно, произошел прорыв в жизни, и это просто замечательно.

— Нет, ничего такого не произошло, — угрюмо пробормотала Мэрайя, беря в руки чашку Зайяда.

— Хотя бы раз в жизни позволь себе расслабиться, Мэрайя. Это же не убьет тебя.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты — циник.

— Грустно слышать, но это правда.

— Все стареет, и ты не исключение.

— Это просто ужасно слышать.

— Но я не собираюсь говорить, что мне жаль тебя, — сказала Джейн. — Ты — моя лучшая подруга, и я хочу, чтобы ты была счастлива. И я хочу, чтобы ты хоть раз попробовала просто расслабиться.

Мысленно Мэрайя покачала головой. Как сказать Джейн о том, что она хочет и может сделать это, но у мужчины другое мнение по этому вопросу?

— Я лучше пойду, а то мой завтрак совсем остынет.

Джейн засмеялась:

— О, сестренка, и мой тоже. Нам обеим пора идти.

Мэрайя улыбнулась и попрощалась с Джейн. Когда она повесила трубку, в комнату вошел Зайяд с двумя тарелками с яичницей.

— Как твоя подруга?

— С ней все в порядке. Она немного раздражена своей ученицей, но в остальном все нормально.

Он не поинтересовался, почему Джейн была раздражена, а вместо этого спросил:

— Твоя подруга — нетерпеливый человек?

— Вовсе нет.

— Может быть, ей не нравится обучать других людей кулинарии?

— Нет. Прошлым летом она целый месяц учила готовить детишек в муниципальном центре. — Почему она чувствует себя так, словно защищает подругу? И почему Зайяд заставляет ее чувствовать себя так, словно она должна это делать?

Мэрайя быстро покончила со своим завтраком.

— Ну, спасибо за завтрак, а теперь мне нужно вернуться к работе.

— К работе?

— Ты не забыл, у меня есть дело, которое я должна выиграть?

— Ах, да. — Он вытер губы и положил салфетку на тарелку. — Я говорил тебе, что мой друг наблюдает за этим Чарлзом Уэйдоном?

— Ты это сделал? — удивленно спросила Мэрайя.

— Я же сказал, что помогу тебе.

Да, но Мэрайя думала, что они могли бы вместе обсудить линию защиты или что-то подобное, она никак не думала о слежке. Она совершенно не понимает этого мужчину. Умный, сексуальный, он помогает и заботится о ней. Что ему нужно? Если он интересуется Джейн, то зачем тогда делает все это?

Мэрайя глубоко вздохнула. А если представить себе, что она нравится ему, действительно нравится, и он просто озадачен своими чувствами и не хочет торопить события?

Она что, шутит? Какой парень не захочет торопить события?

— Ты сказал, что поможешь мне, но я не думала...

— Что я сдержу свое слово?

— Нет, я просто не думала, что ты готов настолько помогать мне.

Зайяд прищелкнул языком:

— Какой цинизм, мисс Кеннеди.

У Мэрайи защемило сердце. Сначала Джейн, а теперь Зайяд. За последние несколько лет она перестала прислушиваться к себе, потому что зарабатывала деньги. Из-за этого она стала циничной и жесткой.

— Я не ожидала от тебя помощи, потому что, честно говоря, ты совсем не обязан это делать. Если ты хочешь остановиться прямо сейчас, то ты свободен от своих обязательств.

— Я не хочу быть свободным от своих обязательств.

Даже прикусив свой язык, Мэрайя не могла не спросить его. Ей просто необходимо было знать.

— Чего ты хочешь добиться, Зайяд?

Он откинулся в кресле, скрестив на груди руки.

— Чтобы у нас сегодня не было никакой работы. Ни для тебя, ни для меня. Я думаю, что мы с тобой много работали и совсем не отдыхали.

— Я не могу.

— Можешь. За один день ты не проиграешь и не выиграешь это дело, зато он позволит тебе расслабиться и лучше увидеть направление, в котором нужно двигаться дальше.

Мэрайя выпрямилась:

— Я не могу позволить себе отдохнуть.

— Когда в последний раз ты позволяла себе понежиться, побаловать себя, Мэрайя?

— Понежиться? Побаловать себя? Ты шутишь, правда?

— Нет, не шучу.

Она нахмурилась, задумавшись:

— Ну, в выпускном классе в колледже я выщипывала себе брови перед выпускным вечером. Хотя эта женщина из салона превратила меня в один из персонажей сериала «Звездный путь», так что я не думаю, что это можно назвать «побаловать себя».

Зайяд покачал головой:

— Как трогательно.

— Да, согласна.

— Значит, так, — сказал он, вставая с кресла и беря ее за руку, чтобы помочь ей подняться. — Я думаю, нам нужно вернуться в Оджайи. Там есть спа-салон, который считается очень хорошим.

— Спа?

— Соляные ванны очень полезны для твоей лодыжки, а массаж горячими камнями — это просто замечательно.

Соляные ванны и горячие камни? Звучит экзотично и чувственно.

— Я не смогу...

— Сможешь. — Он держал ее за руку, его пальцы нежно поглаживали ее ладонь.

Мэрайя нервно сглотнула:

— А где будешь ты, пока я буду принимать ванны и делать массаж?

— Мне тоже будут делать массаж. Возможно, мы сможем вместе принять некоторые процедуры, а потом пообедать.

Сердце Мэрайи бешено забилося. Неужели он передумал? Прошлая ночь оказалась для него гораздо сложнее, чем для нее самой? Ему захотелось претворить свои желания в реальность?

Зайяд поднял ее за подбородок:

— Твой рот молчит, а твои глаза говорят — да.

— Ты прав, но...

— Что — но?

— Несмотря на то, что это звучит прекрасно, я думаю, это слишком экстравагантно для нас обоих.

— Я настаиваю на том, чтобы ты была моей гостьей.

— Нет...

— Да, и возражения не принимаются. Я очень редко совершаю легкомысленные поступки, потому что, так же как ты, я очень предан своей работе. Я просто хотел бы, чтобы мы немного расслабились.

Мэрайя весело рассмеялась в ответ.

Улыбка Зайяда стала шире.

— Собирайся, мы выезжаем через час.

Пока Мэрайя готовилась к поездке, Зайяд сделал один очень важный телефонный звонок. Он был коротким и результативным. Тара Хефнер ждала его сегодня в час дня, и он не опоздает на эту встречу.

Внезапно его охватило чувство вины, но он постарался забыть о нем. Зайяд приехал в Калифорнию, чтобы получить ответы на свои вопросы, и он их получит.

Мэрайя рассматривала роскошный холл салона, чувствуя себя здесь неуместно в простых джинсах и белой футболке.

— Теперь я вижу что ты это делаешь, если ты хочешь немного расслабиться.

— Это очень комфортное место, — сказал Зайяд без особого энтузиазма.

Мэрайя фыркнула:

— Ты, должно быть, жил во дворце, прежде чем приехал сюда, потому что это место более чем комфортное.

Огромный, но в то же время умиротворяющий и гостеприимный, отделанный в мексиканском стиле салон «Оджайи-спа» манил прекрасной терракотовой плиткой, огромными белыми диванами, кувшинами ручной работы и огромным количеством экзотических растений повсюду. Мэрайя никогда не видела ничего подобного. Единственное место, куда ее водил бывший муж, был мотель «Желтый утенок», где коронным блюдом был гороховый суп.

— Добро пожаловать в «Оджайи-спа».

Молодой человек и невероятно стройная женщина лет пятидесяти, оба одетые в белое, поднесли им две чаши с лимонно-огуречной водой.

— Сэр, я провожу вас на мужскую половину, а Далила займется вами, мисс Кеннеди.

— Думаю, это значит — до свидания, — пошутила Мэрайя, широко улыбнувшись Зайяду.

Он улыбнулся в ответ, повернулся и ушел, а молодой человек быстро последовал за ним в раздевалку. Несколько мгновений Мэрайя просто смотрела ему вслед. Он, так же как и она, был одет в джинсы и белую рубашку, но в тоже время чувствовал себя здесь, в этой роскошной обстановке, как дома.

Должно быть, это стиль жизни, подумала Мэрайя.

— Пожалуйста, следуйте за мной, мисс Кеннеди.

Далила провела Мэрайю через холл до двери с табличкой «Дамы». Теперь она почувствовала себя в атмосфере спа-салона полностью. Потягивая воду из чаши, она заметила, что все кругом отделано мрамором — горячая ванна, массажный душ и сухая сауна. Все выглядело очень мило, и Мэрайя была рада тому, что Зайяд уговорил ее приехать сюда. Далила отправила Мэрайю в раздевалку, а потом протянула ей мягкий белый халат и один шлепанец:

— Я полагаю, что вы снимете повязку и насладитесь расслабляющей ванной для вашей ноги перед массажем, мисс Кеннеди. В нее добавлены экстракты розмарина и мяты, они очень расслабляют.

— Хорошо, спасибо.

Далила кивнула и смущенно улыбнулась ей:

— Наслаждайтесь ванной и массажем. — Она указала на дверь в дальнем конце раздевалки: — Эта дверь приведет вас в вашу комнату. Это номер пять.

Мэрайя даже и не пыталась понять эту странную улыбку Далилы. Девушка была в раю и намеревалась использовать каждый момент для удовольствия.

После быстрого душа она направилась в горячую, приятно пахнущую ванну. Тридцать минут пролетели как один миг. Потом Мэрайя вышла из ванной и, надев халат, направилась в комнату для массажа под номером пять.

Свет в комнате был мягким и приглушенным, играла расслабляющая музыка. В воздухе витал аромат ванили, и Мэрайя, улыбнувшись, с удовольствием вдохнула его. В центре комнаты стоял роскошный массажный стол, на котором лежали полотенца и записка.

Заинтересовавшись, Мэрайя подняла записку и прочитала:

Раздевайтесь, пожалуйста, ложитесь лицом вниз и приготовьтесь побаловать себя.

Мэрайя сняла с себя халат, даже не задумавшись. В конце концов, кто она такая, чтобы спорить с экспертами? Улыбнувшись, она забралась на стол и накрылась простыней.

Музыка, свечи и приглушенный свет сделали свое дело. Мэрайя уже начала засыпать, когда дверь открылась и вошла ее массажистка. Она не сказала ни слова, просто отбросила простыню со спины Мэрайи и принялась за работу. От весьма ощутимых похлопываний по плечам и дальше вниз по спине Мэрайя сразу же проснулась. Это были совсем не женские руки, если только эта женщина не работала последние десять лет кузнецом. Нет, это были мужские руки — сильные и жесткие.

Мэрайя попыталась не чувствовать себя ханжой. В конце концов, разве люди не получают сеансы массажа от специалистов обоего пола? А она не высказывала своих предпочтений

администратору салона.

Возможно, следовало это сделать.

Наверно, из-за этого Далила так загадочно улыбалась.

А может быть, и не следовало.

— Вам приятно, мисс Кеннеди?

Мэрайя напряглась, всю расслабленность как рукой сняло. Она поднялась и перевернулась, придерживая простыню, чтобы та не упала. Позади нее стоял в черных брюках и черной футболке не кто иной, как Зайяд.

Он удивленно поднял бровь:

— Я массировал слишком сильно?

Глава девятая

Мэрайя запаниковала, и Зайяд попытался ее успокоить.

Действуя профессионально, он поправил сползшую простыню, хотя ему совсем не хотелось этого делать. Он должен начать медленно, так, чтобы она привыкла к его прикосновениям, и заставить ее расслабиться.

Зайяд повернулся к стоящему рядом столику и нанес на руки немного ароматического масла.

— Прошу прощения за то, что напугал тебя.

— Что ты здесь делаешь?

— Я подумал, что ты будешь чувствовать себя комфортнее, если буду делать тебе массаж я, а не какой-то незнакомец.

В действительности, он думал об этом все утро. Зайяд чуть не пропустил поворот на Оджайи, представляя это. Обнаженная Мэрайя, ее кожа блестит от масла, и он ласкает ее. В спа-салоне ему сообщили, что такой массаж недопустим, но деньги, как всегда, решили все.

— Вместо какого-то незнакомца? — с усмешкой спросила Мэрайя. — Ты сам практически незнакомец для меня.

Он поднял ее здоровую ногу:

— Это неправда. Разве мы не обнимали друг друга? — Он начал осторожно растирать ее кожу. — Разве я не целовал тебя? Так поступают незнакомцы?

Мэрайя чувствовала, что просто тает под его прикосновениями. Он действительно умеет это делать.

— Нет, незнакомцы так не поступают.

Он улыбнулся, нежно массируя каждый пальчик на ее ноге.

— Если я тебе не нравлюсь, скажи мне, и я позову Ларца.

— Ларца? — тихо засмеялась Мэрайя.

— Это один из массажистов, который работает сегодня. Огромный швед с дикими глазами.

— Правда?

— Да, — кивнул Зайяд. — Разве такой мужчина может что-то понимать в массаже горячими камнями?

— А ты понимаешь?

— В нашей стране это обычное дело. — Он достал маленький камень из корзины, демонстрируя ей. — Мне продолжать?

— Это самая странная вещь, когда-либо происходившая в моей жизни, но...

— Так мне продолжать?

— Ну, хорошо. — Она перевернулась, опустив голову в специальное отверстие и позволив своему телу забыть обо всем и просто расслабиться. — Так зачем мы приехали сюда, если ты такой профессионал в этом деле?

Он не сразу ответил.

— Массаж — это только одна из многих процедур, в которой я профессионал.

— Значит, дома мы не смогли бы сделать глубокое очищение с помощью грязей и растирания с гранулами сахара?

— Нет. — Зайяд положил несколько камней ей на спину и слегка придавил их. — Женская кожа не должна напрямую насыщаться сахаром, это плохо сказывается на ее красоте.

У Мэрайи в животе стало жарко, потом этот жар переместился в область бедер.

— Я почти боюсь спросить...

— Мы используем такие вещи, когда... Я думаю, ты бы назвала это прелюдией.

— Прелюдией?

— Это своего рода чувственная игра.

Зайяд убрал камни и начал сильно массировать те точки, где они лежали.

— Игра, — пробормотала Мэрайя, находясь на вершине блаженства.

В голове у нее возник образ, который она не позволяла представлять себе уже несколько лет. Голова мужчины между ее бедер, голова этого мужчины.

Она глубоко вздохнула, грудь ее напряглась, а живот свело судорогой.

А потом горячие камни легли на ее шею и ступни ног.

Мэрайя издала сдавленный вздох, или это был стон удовольствия — кто может сказать в такой момент? Она просто не могла сейчас думать.

— Жар уйдет, — сказал Зайяд успокаивающе. — А потом дойдет до твоих мышц.

Пока он говорил, его слова превращались в действие, и Мэрайя почувствовала себя полностью расслабленной.

Она позволила сознанию отключиться, а тело стало легким как перышко, когда Зайяд положил камни на икры и бедра. Она не спорила и не чувствовала беспокойства или растерянности, когда он убрал полотенце и положил два камня на ягодицы.

— Как ты это делаешь? — спросила она, с трудом выговаривая слова.

— Делаю что, Мэрайя?

— Это. Массаж. Персонал салона, скорее всего, попросит нас убраться вон отсюда, если узнает, что...

— Я позаботился обо всем, это не проблема. Не думай об этом.

— У меня в голове не должно быть ни одной мысли, правильно?

Зайяд засмеялся:

— Нет, ты должна думать об удовольствии.

Как будто она могла думать о чем-то другом в этот момент!

— Повернись, пожалуйста.

Слишком увлекшись своей фантазией, Мэрайя пробормотала:

— Что?

— Повернись на спину, Мэрайя.

— На спину?

— Да.

Мечта исчезла, она вернулась к реальности. Перевернуться означало полностью открыться — с головы до ног.

Медленное, ритмичное биение ее сердца резко сменилось учащенными ударами.

— А где полотенце?

— Он тебе не нужен.

— А я думаю, что нужно.

Она почувствовала, как он приблизился к ней, его губы были у ее уха, а руки обнимали ее за талию.

— У тебя прекрасное тело. Тебе нечего стыдиться. Если бы ты чувствовала то, что чувствую я, когда просто смотрю на тебя, ты бы не волновалась.

Мэрайя повернула голову, чтобы на мгновение насладиться выражением его лица.

— А может быть, мне нравится то, что ты испытываешь по отношению ко мне, Зайяд.

Может быть, мне отчаянно хочется почувствовать то, что ты испытываешь ко мне.

Она увидела, что Зайяд улыбнулся, когда взял ее за руку.

— Как ты пожелаешь. — И он приложил ее руку к своему телу.

Мэрайя глубоко вздохнула, внезапно почувствовав легкое головокружение. Ничего подобного еще не было в ее жизни. Он был таким твердым и таким большим. Больше всего ей хотелось изучить его, но Зайяд не дал ей ни времени, ни возможности.

Он отпрянул назад.

— Ты перевернешься или нет?

Мэрайя медленно перевернулась на спину, пытаясь скрыть свою удовлетворенную улыбку, но это было нелегко, потому что Зайяд просто пожирал ее взглядом.

Она заметила, что лицо его заметно напряглось, когда он смог наконец-то вернуться к своим обязанностям и взял ее за ногу.

— Ты можешь и мертвого вернуть к жизни, Мэрайя. И возможно, что ты уже это сделала.

Эти слова словно насквозь пронзили ее, попав в самое сердце. Мэрайя подозревала, что этот мужчина редко бывает чувствительным и очень редко делает такие признания.

Зайяд медленно поднимался вверх по икрам ее ног, тщательно массируя их, потом перешел к коленям и бедрам. Она так хорошо чувствовала себя, ощущая себя желанной и привлекательной. Чем ближе его пальцы подбирались к светлым завиткам на лобке, тем сильнее возрастало желание, тем ярче она представляла себе его губы, исследующие самые сокровенные уголки ее тела, и его твердую плоть, медленно проникающую в ее тело.

Зайяд положил несколько камней на верхнюю часть бедер, это заставило Мэрайю втянуть ротом воздух, потому что жар распространился по всему позвоночнику.

Он положил теплые камни ей на грудную клетку и ребра, заставляя ее соски напрячься от возбуждения.

Мэрайя посмотрела на него, заметив, что он наблюдает за ней.

— Тебе нравится? — спросил он.

— Да, очень.

Это еще мягко сказано.

Она гадала, что Зайяд будет делать дальше. Уберет камни и закончит массаж, а потом выключит музыку, вернув ее к реальности, и оставит в состоянии сексуальной паники?

Зайяд не делал ей массаж, но и не уходил. Он наклонился к ней и поцеловал, и в этом поцелуе не было ничего нежного и мягкого. Мэрайя обняла Зайяда за шею, увлекая его на себя, и застонала, почувствовав сладостную тяжесть мужского тела.

Зайяд целовал ее шею, вдаивки у ключиц, убирая со своего пути камни, лаская языком ее горячую кожу, а потом накрыл своим ртом ее сосок.

Мэрайя застонала или вскрикнула, она точно не помнила. Язык Зайяда ласкал ее возбужденный сосок, а потом он слегка прикусил его зубами. Извиваясь на столе, Мэрайя обхватила его голову руками, крепче прижимая к себе.

Но это продлилось не долго.

Зайяд медленно спускался вниз, целуя ее живот, слегка касаясь зубами ее теплых бедер. Учащенно дыша, Мэрайя приподнялась на локтях, чтобы видеть, как он целует, ласкает и гладит ее разгоряченную кожу.

Чем ниже он опускался, тем ближе была цель. Неудобство массажного стола заставило его на мгновение покинуть ее. Зайяд встал, просунул руки под ее ягодицы и притянул ее ближе к себе.

Предвкушение удовольствия охватило Мэрайю, когда он нагнул голову и губами прикоснулся к самой сокровенной части ее тела. Она чуть не закричала, закрыв рот руками.

Он ласкал ее языком, проникая в самую глубь ее тела.

Мэрайя бессильно откинула голову на стол. Внутри нее разгорался пожар, она знала, что скоро ее захлестнут волны наслаждения. Ей не хотелось, чтобы это наступило так быстро, но она не желала останавливаться.

Она выгнулась дугой, а потом остановилась, замерев на мгновение, почти теряя сознание от сладкого жара.

— Мэрайя...

Она потянулась к нему, но Зайяд стоял на месте и даже поднял упавшее полотенце.

С невероятной нежностью он накрыл ее простыней.

— Сейчас я должен покинуть тебя.

— Нет. — Это слово она произнесла как капризный ребенок, но ей было все равно. Она получила лишь половину того, чего хотела.

— Я должен. — Он наклонился и поцеловал ее. — Мы увидимся через два часа, хорошо?

Мэрайя вздохнула, понимая, что нет смысла требовать чего-то прямо здесь и сейчас.

— Хорошо.

Зайяд подошел к двери и повернулся к ней:

— Ты получила много удовольствия?

— Да.

Он кивнул, а потом вышел из комнаты. Мэрайя села на массажном столе. Она чувствовала себя разгоряченной и счастливой. Она больше не была несчастной, целомудренной разведенной женщиной.

Теперь она была женщиной на пике напряженного желания к мужчине, которого едва знала.

И которому не доверяла.

* * *

Зайяд ненавидел себя за то, что оставил ее.

Он забрал ключи от машины у портъе, прошел на стоянку, сел в машину и завел двигатель. Он пытался взять себя в руки, но перед его глазами была только комната с приглушенным светом, массажный стол с белыми полотенцами, на которых лежала самая прекрасная женщина, которую он когда-либо видел и которая стонала и извивалась в его объятиях.

Зайяд глубоко вздохнул, пытаясь забыть о ней по крайней мере на время, но это было просто невозможно. Он чувствовал ее запах, ладони помнили тепло ее тела.

Он снова потерял контроль над собой. Он приехал сюда для того, чтобы получить от Тары ответы на свои вопросы, а не для того, чтобы мечтать о женщине, которую он спустя две недели больше никогда не увидит.

Зайяд вышел из машины и направился к дому Тары. Он должен победить свое желание. Он не может позволить себе расслабляться, когда у него так много дел.

После двух решительных ударов в дверь Тара открыла ему.

— Добрый день, Зайяд.

— Добрый день, мисс Хефнер.

— Просто Тара, — улыбнулась она, отступая в сторону, чтобы он мог войти в дом.

— Спасибо вам за то, что позволили мне прийти, Тара. Я знаю, что вам совсем не хотелось этого.

— Должна признаться, мне любопытно не меньше, чем тебе. — Она провела его в ту же гостиную, где начался их прошлый визит. На кофейном столике стояли лимонад и печенье. Тара взяла стакан и потянулась к кувшину с лимонадом.

— Позвольте мне, — сказал Зайяд.

— Спасибо.

Он наполнил ее бокал и подал ей, а потом положил перед ней на стол печенье.

— Спасибо, — снова сказала она с улыбкой.

Ее способность улавливать малейшее движение или звук поражала его.

— Могу я спросить, как вы потеряли зрение?

— У меня обнаружилась дистрофия сетчатки.

— Мне жаль.

— А мне — нет.

— Правда?

— Ну, это не совсем правда. Я бы хотела увидеть свои работы, лица своих друзей, Мэрайю в зале судебного заседания и дочь твоего отца. Но я не могу! Я вижу все совсем по-другому, и теперь я пришла к выводу, что иногда это совсем не плохо. Я верю, что, когда я потеряла зрение, это был бесценный дар для меня. — Тара замолчала, улыбнувшись. — Ты шокирован такими словами, не так ли?

Зайяд взял со стола печенье.

— Я заинтригован.

— Хороший ответ. — Она тоже взяла печенье. — Я потеряла зрение не сразу, темнота наступала понемногу, день за днем. До этого я жила жизнью, наполненной суждениями и оценками, и думаю, что все так и живут. То, что мы видим снаружи, во внешнем мире, это, конечно, не то, что мы видим изнутри. Мы редко задумываемся над этим, но когда ты теряешь способность видеть что-то снаружи, ты вынужден иметь дело лишь со своим сердцем, своими чувствами, с настоящими человеческими качествами.

Тара вздохнула и улыбнулась.

— Все суждения и оценки покинули меня, а вместо них остались вопросы. Больше не было гнева или цинизма, или этих вопросов «а почему я», остались лишь любопытство и сострадание.

Она взглянула на Зайяда, ее глаза были синими, добрыми, но все же в них читалась грусть.

— Я сказала, что ни о чем не сожалею, это правда, но должна признать, что в моем сердце навсегда осталась пустота и тоска по тому времени, которое так быстро закончилось.

Внезапно печенье встало у Зайяда поперек горла.

— Те три дня с моим отцом?

— Да. — Тара откинулась в кресле. — Он был удивительным человеком. Не важно, поступили мы аморально или нет, но это были три самых лучших дня в моей жизни. Конечно, до появления на свет Джейн.

— Вы любили его?

— Да, очень.

У Зайяда все сжалось в груди. Зачем он ее об этом спросил? Ведь его любовь не волновала. Он беспокоился о Джейн и ее будущем. Он хотел узнать, кем была эта женщина. И, возможно, лучше понять своего отца.

Тара откусила кусочек печенья и вытянула ноги.

— Я думаю, что ты вряд ли хотел бы услышать то, что я тебе сейчас скажу, но это часть всей истории. Я думала, что твой отец очень заботился обо мне. Когда он уезжал, он сказал, что любит меня, но мы оба понимали, что принадлежим к разным мирам. И, конечно, у него была семья.

— Да, — сказал Зайяд с некоторым напряжением в голосе.

— И я никогда не забывала об этом, но просто не могла поверить, что все, что было между нами, было ложью. Что он больше не беспокоится обо мне. Меня убивало то, что он даже не волнуется о новой жизни, зародившейся во мне.

Хотя Зайяд и пришел сюда не для того, чтобы облегчить страдания любовнице своего отца, он понимал, что должен что-то сказать.

— Я уверен, что отец заботился бы о Джейн, если бы знал о ее существовании.

— Если бы знал? — Впервые с момента их первой встречи Тара выглядела настолько взволнованной. — Конечно, он знал, он просто не хотел...

— Мой отец не знал о вашей беременности, Тара.

Она удивленно смотрела на него.

— Он ничего не знал.

— Нет, это просто невозможно. — Тара покачала головой. — Но его помощник сказал, что...

— Этот человек не сообщил моему отцу о ваших звонках и о рождении Джейн. Он думал, что таким образом защищает моего отца и королевскую семью от...

— Не говори этого. — Она подняла руки, словно защищаясь ими от всего негатива, который мог обрушиться на нее. — Ты действительно говоришь мне правду? Он никогда не знал о том, что у него есть дочь?

— Нет, он не знал.

— Значит, он не лгал мне. — Это был не вопрос. Надежда осветила ее лицо. Тара помолчала, восстанавливая дыхание. Потом неожиданно она с грустью посмотрела на Зайяда: — Почему ты приехал в Америку, Зайяд? Зачем ты разыскиваешь Джейн? Чтобы рассказать ей о наследстве или посмотреть, достойна ли она того, чтобы принять это?

— И то, и другое.

Тара кивнула, сжав губы.

— Ты не причинишь вреда моему ребенку.

— Я и не думал об этом.

— Она ничего не знает. Я никогда не хотела нагружать ее историями об отце.

— Она должна знать.

Тара помедлила с ответом, потом покачала головой:

— Да, я думаю, ты прав.

— Я хочу поговорить с ней, когда она вернется из Лос-Анджелеса.

— Нет, я сама поговорю с ней, когда она приедет ко мне на следующей неделе. Как бы мне ни было больно, мы все должны знать правду о себе.

Зайяд кивнул, полностью соглашаясь с ней. Правда может оказаться горькой пилюлей, но от нее никуда не денешься, ее придется проглотить.

— А что по поводу моей второй дочери? — спросила Тара.

Зайяд удивленно поднял брови:

— Мэрайи?

Тара грустно улыбнулась:

— Ты нравишься ей все больше и больше. Она уже давно так ни на кого не смотрела. Если честно, то это сильно пугает меня.

— Ей не нужно бояться меня.

— Ты ведь вернешься в Эманд, не так ли? Назад к своей жизни, к своей стране?

— Да.

— И ты собираешься оставить ее здесь одну с разбитым сердцем. Я уже прошла через это, Зайяд. Влюбленная и одинокая. Это совсем не то, чего бы я хотела для Мэрайи.

— Мэрайя не испытывает таких чувств ко мне.

— Может быть, пока нет, но это случится очень скоро. Я вижу это.

— Вы видите...

Она улыбнулась:

— Я чувствую это. Пожалуйста, будь осторожен. С обеими моими девочками, хорошо?

— Хорошо, обещаю.

Попрощавшись с Тарой, Зайяд чувствовал себя совершенно сбитым с толку. Он хотел возненавидеть эту женщину, хотел сказать ей, что совершенно невозможно, чтобы отец любил ее, и посмеяться над ее историей и признаниями. Но он не смог, потому что это было бы лишь реакцией обиженного ребенка.

Зайяд слишком круто забирал на поворотах холма. Он начал чувствовать что-то новое, что-то совершенно неподконтрольное ему самому, и это беспокоило его. Его охватило чувство досады, он почти ненавидел себя за это чувство. Когда это случилось, когда он почувствовал, что женщина волнует его слишком сильно?

Зайяд увидел океан.

И понял, когда именно это случилось. Это случилось после полудня, несколько дней назад, когда Богом посланная ему адвокатша ударила головой в его грудь.

Зайяд удивил ее.

Мэрайя думала, что после нескольких волшебных процедур в этом салоне они отправятся домой, но это было не так. После последней процедуры к ней пришла женщина и провела в гостиницу, находившуюся в том же здании. Женщина оставила ее в великолепных апартаментах с прекрасным видом на маленькое озеро, в котором плавали утки.

Она объяснила, что все это организовал Зайяд. Он хотел, чтобы Мэрайя расслабилась, а он вернется сюда через час к ужину.

Мэрайя думала, что должна быть шокирована такой щедростью или почувствовать беспокойство по поводу всего происходящего здесь, но она не чувствовала ничего, кроме предвкушения, полностью охватившего ее.

Единственное, что расстроило ее, — это то, что она была одета в повседневную одежду. Мэрайя собирается ужинать в таком прекрасном месте с великолепным видом на озеро в лучах заката, а на ней будут лишь джинсы и футболка.

Конечно, выбор вечерних платьев у нее был небольшой. И что может подойти к забинтованной ноге в домашнем шлепанце?

Но когда она прошла в ванную комнату, то увидела, что Зайяд приготовил ей еще несколько сюрпризов. Ее туалетные принадлежности лежали на полочке, а рядом висели два самых лучших ее вечерних платья и с ними еще одно, которое она видела впервые. Это было прекрасное шелковое платье светло-желтого цвета на бретельках, выглядевшее невероятно дорогим.

Она точно знала, что Зайяд купил его специально для нее и что сегодня вечером она обязательно его наденет.

Быстро приняв душ, Мэрайя тщательно уложила волосы и нанесла легкий макияж, потом она впустила в номер шеф-повара, который доставил ужин, а затем прилегла на кушетке и стала ждать Зайяда. Пока она ожидала его, ее ноздри тревожил соблазнительный запах жареного ягненка и свежего хлеба с розмарином. Мэрайя думала о прошедшем дне... При воспоминании о массаже ее охватило желание, но были и совсем другие чувства, с которыми ей пришлось бороться, — впервые за несколько лет она позволила мужчине тронуть не только ее тело, но и душу.

Она вновь раскрылась навстречу чувствам, чтобы снова ощутить боль.

Возможно, если бы она не рассматривала эти отношения так же серьезно, как и свое замужество, то могла бы не бояться вновь испытать душевные муки. Потому что здесь никто никому не давал никаких обещаний и не произносил слов любви. Ей не надо было чего-то ждать от него, кроме удовольствий... И не важно, как долго они продлятся.

Когда открылась дверь и вошел Зайяд, Мэрайя подумала, возможны ли эти удовольствия?

В черном костюме и белоснежной рубашке он выглядел умопомрачительно прекрасным. Зайяд остановился перед ней:

— Ты выглядишь великолепно, Мэрайя. Это платье цвета солнечных лучей очень идет тебе.

— Спасибо, и спасибо за платье.

— Не за что.

Он просто не мог этого знать. Ни один мужчина никогда не дарил ей таких подарков.

— Как ты провела остаток дня? — спросил Зайяд.

— Прекрасно.

— А как твоя лодыжка?

Мэрайя подняла ногу так, чтобы он мог видеть.

— Гораздо лучше.

Зайяд взглядом окинул ее ногу от стопы до середины бедра.

— Ты проголодалась?

Смотря, о чем ты.

— Да, немного.

— Шеф-повара этого ресторана мне очень рекомендовали. — Зайяд помог ей встать и проводил к накрытому столу, на котором горели свечи, а в вазе стояли розы. — Налить тебе немного вина?

— Да, спасибо.

В номер вошел шеф-повар, разложил по тарелкам ягненка, хлеб и салат, потом поклонился и вышел из комнаты.

Когда Мэрайя повернулась к Зайяду, он улыбался.

— Я подумал, что будет лучше, если мы поужинаем вдвоем. Это правильно?

В ответ она тоже улыбнулась:

— Конечно. — Выпив глоток белого вина, Мэрайя спросила: — Ну, а чем ты занимался, пока я наслаждалась процедурами в салоне?

Он протянул ей хлеб.

— У меня было несколько неотложных дел, одно из которых — заказ нашего ужина.

— Ты проделал грандиозную работу. Ужин просто великолепен.

И ты тоже.

Мэрайя смотрела на него.

И я не знаю, могу ли я притвориться, что все это для меня не больше чем просто секс.

— Все просто прекрасно.

Поднеся бокал вина к губам, Зайяд изучал девушку.

— Что-то не так?

Он пристально посмотрел на нее.

— Ты о чем-то сожалеешь?

— О чем? — спросила она, будто не понимая, что он говорит.

— О том, что ты позволила мне быть твоим массажистом вместо этого шведа. — Он взял ее за руку. — Понимаешь, я просто не мог вынести того, что он будет прикасаться к тебе.

Мэрайю охватила приятная дрожь.

— Почему?

— Потому что мне этого не хотелось.

— Я думаю, что мне бы это тоже не понравилось.

— Значит, я ошибался? Ты ни о чем не сожалеешь?

Мэрайя согласно кивнула головой.

Зайяд ласкал ее пальцы.

— Мэрайя, я должен кое-что сказать тебе.

О господи, что? Что ты на самом деле женщина? Что у тебя есть жена? Или что ты хочешь, чтобы сегодня в нашей постели была еще одна женщина?

Она точно сходит с ума.

Зайяд глубоко вздохнул:

— Я приехал в Калифорнию ненадолго.

Ну, в этом нет ничего извращенного или пугающего, но хорошего тоже мало.

— Хорошо.

— Я хочу быть предельно честным с тобой.

— Я очень ценю это.

В некотором роде.

— Понимаешь, вся моя жизнь — в Эманде, там моя работа, мой сын и...

— Зайяд, я все понимаю, правда.

Она больше не хотела слушать его. Мэрайя поняла, что этим отношениям пришел конец и не будет никакого продолжения. Зная об этом, она может просто наслаждаться жизнью, не волнуясь о будущем. Его честность подействовала на Мэрайю отрезвляюще. Хотя бы раз в жизни мужчина не лгал ей. Она мягко улыбнулась ему:

— Давай поговорим о чем-нибудь другом, ладно?

Он поднес ее руку к губам и поцеловал, а потом снова взял бокал с вином.

— А какие еще процедуры ты прошла и были они столь же хороши, как и массаж?

Флирт!

— Отшелушивание кожи было очень неплохим.

— Это то, которое делают с помощью гранул сахара?

— Да.

— Чтобы сделать кожу более нежной?

Мэрайя засмеялась:

— Я надеюсь на это.

— Я бы сам хотел оценить это, если ты не возражаешь.

— Ты бы хотел?

Зайяд многообещающе улыбнулся ей, встал из-за стола и подошел к ней сзади. Он положил ей руки на плечи и начал гладить ее.

— Да, очень нежная.

Мэрайя вздохнула и закрыла глаза.

— Но я думаю, что должен проверить не только твои плечи и руки, чтобы полностью убедиться в этом.

Его руки проникли под ее платье. У Мэрайи перехватило дыхание, когда он взял в ладонь ее грудь и начал пальцами нежно ласкать ее сосок.

Она едва сдержала стон. Ужин, разговоры, флирт, желание побольше узнать друг друга — все было забыто. Они оба так долго ждали этого. Это было нужно ей и ее телу. А теперь она убедилась, что и Зайяду тоже.

Мэрайя встала, и, повернувшись, посмотрела ему прямо в глаза:

— Отнеси меня в спальню.

Его глаза были черными как ночь и загорелись огнем страсти.

— Ты уверена?

— Да.

Зайяд поднял ее на руки, и она зарылась лицом в его шею.

Глава десятая

Мэрайя закрыла глаза, когда Зайяд осторожно положил ее на постель. Она так хотела этого, мечтала об этом день и ночь. И теперь, когда это наконец случилось, она чувствовала себя немного неловко. В конце концов, ее предыдущие отношения разрушились из-за секса. Честно говоря, это были ее муж и другая женщина, с которой он занимался сексом, но Мэрайя всегда думала: не она ли сама толкнула его в объятия другой женщины из-за того, что была плохой любовницей?

Но все мысли покинули ее, когда Зайяд оказался рядом с ней и завладел ее губами. Тяжесть его тела так радовала, его грудь прижималась к ее груди, а возбужденная плоть упиралась ей в живот. Зайяд покрывал ее лицо и тело поцелуями.

— Ты этого хотела, не так ли? — спросил он напряженным голосом.

— Я хочу тебя, — выдохнула она.

Зайяд спустил с ее плеч бретельки, а потом снял платье. На ней не было бюстгалтера, и это ему нравилось. Одной рукой он ласкал ее грудь, нежно проводя пальцами по возбужденным соскам, а другой рукой проник под платье и достиг самого сокровенного места ее тела.

— Ты такая нежная, Мэрайя. — Он гладил и ласкал ее, едва касаясь, а потом погрузил внутрь нее два пальца.

От этого у Мэрайи перехватило дыхание, а ее тело выгнулось дугой. Ей просто необходимо было избавиться от накопившейся страсти, но она сдерживалась, потому что ей невероятно хотелось ощутить Зайяда внутри себя.

Он, должно быть, почувствовал ее желание или просто уже не мог ждать. За несколько секунд он полностью раздел ее и снял одежду с себя, а затем снова припал губами к ее соску, продолжая ласкать ее тело.

Низ живота Мэрайи охватил жар. Она чувствовала себя уже на грани.

— Пожалуйста, Зайяд. Я не могу больше ждать, я не хочу ждать.

Он предупредил ее:

— Я сегодня не контролирую себя, прости меня.

Мэрайя не понимала, о чем он говорит, но у нее не было времени спрашивать его, потому что он приподнялся над ней и...

Может быть, это было что-то особенное, а может быть, это было просто что-то настоящее, чего еще никогда не было в ее жизни.

Его глаза просто заглядывали ей прямо в душу, когда он наклонился и жадно поцеловал ее. Потом он откинулся назад, оставаясь внутри нее, но убрал руку из-под ее головы. Он взял подушку и просунул ее под бедра Мэрайи.

— Что это? — спросила она.

— От этого твои ощущения усилятся.

— Я не думаю, что это возможно.

Он мягко улыбнулся ей в ответ, но в его глазах была неприкрытая страсть и напряжение. Эту страсть она чувствовала и хотела ощутить на себе в полной мере.

Его движения были долгими и неспешными, напряжение нарастало с каждой секундой, Мэрайе хотелось кричать и плакать одновременно. Ей хотелось остановиться и снова начать. Но все было бесполезно. Движения Зайяда участились, доставляя Мэрайе невероятное блаженство. Ей казалось, что она поднималась на небывалую высоту, а потом падала вниз, качаясь на мягких волнах удовольствия, наслаждаясь теплом, охватившим ее.

Зайяд издал стон, по его телу пробежала дрожь — это было замечательное зрелище.

Потом он наклонился и снова поцеловал ее. Этот поцелуй был соленым и обжигающим, и у Мэрайи по телу пробежали мурашки. После этого Зайяд сел на кровати, посадив ее напротив себя. Так они и сидели и смотрели друг на друга. Это была необычайно интимная поза, и Мэрайя чувствовала, как ее сердце стремится к этому мужчине. Ей хотелось прижаться к его груди, но он не позволил ей сделать этого.

— В тебе столько страсти, Мэрайя. Но все это было спрятано глубоко внутри, так?

У нее перехватило дыхание.

— Да.

Он взял ее лицо в свои ладони.

— Ты должна высвободить ее.

Мэрайя застыла, не уверенная, что понимает, о чем он говорит ей. Она была недостаточно страстной?

Она опустила глаза, почувствовав себя так, словно снова ошиблась. Неудивительно, что ее муж ушел к другой женщине. Может быть, она просто фригидна или еще что-то в этом роде?

— Я ужасная любовница, да?

— Нет, — рассмеялся Зайяд, подняв ее за подбородок так, чтобы она смотрела ему в глаза. — Это не то, что я имел в виду. Ты — прекрасна. Ты — женщина, в которой пылает пожар.

— Но...

— Никаких «но». — Зайяд поцеловал ее. — Ты — неистова и великолепна. Я вижу в твоих глазах не только удовольствие, но и боль, которую я должен унять. Я должен заставить тебя забыть эту боль.

— Почему?

Его глаза вспыхнули, словно он внезапно сам ощутил болезненный удар.

— Я не знаю.

— Я думаю, что эту боль невозможно унять, Зайяд. Или, возможно, я просто не хочу этого. — Мэрайе захотелось отстраниться от него из-за этой близости, возникшей между ними, но Зайяд не собирався оставлять ее наедине со своими страхами и не хотел, чтобы она покинула его.

— Расскажи мне о мужчине, который заставил тебя сомневаться во всех и во всем.

Мэрайя отрицательно покачала головой. Она не хотела говорить о том, что случилось. Особенно сейчас.

— Расскажи мне, — настаивал Зайяд.

Он обнимал ее крепко и нежно и держал в своих объятиях до тех пор, пока она наконец не сдалась.

— Он был привлекательным, очаровательным и успешным бизнесменом, а еще он был одним из величайших лгунов, которых я когда-либо знала.

— Почему он перестал быть твоим мужем?

— Он не хотел меня. — Слезы навернулись на глаза Мэрайя. — Он желал другую женщину.

— Он — круглый дурак.

Она опустила глаза.

Зайяд прижал ее к себе и положил рядом с собой на подушки.

— Мы с тобой должны его пожалеть, ведь он лишился самой лучшей женщины на свете.

Мэрайя положила голову ему на грудь, чувствуя себя смущенной и совершенно сбитой с толку. Она глубоко вздохнула:

— Давай больше не будем о нем. Расскажи мне о своей стране. Заставь меня помечтать о чем-нибудь прекрасном.

— Хорошо. — Он поцеловал ее в макушку. — Эманд... Нет места прекраснее на свете. Рассвет — это мое время, я так люблю его. Солнце медленно поднимается из-за горизонта. Песок в пустыне холодный, темно-коричневого цвета до того момента, пока не встретится с первыми лучами солнца. Потом он приобретает цвет меди. Сады благоухают ароматами и полны плодов, а горы и озера чисты и нетронуты. Люди в моей стране, хотя и придерживаются традиций, щедры и умеют прощать.

— Почему ты покинул такое прекрасное место? Судя по твоим словам — это просто рай.

Он обнял ее, привлекая к себе:

— Дела могут заставить тебя уехать далеко-далеко и от еще более прекрасных вещей...

Мэрайя уснула с улыбкой на губах. Впервые за четыре года она спала рядом с мужчиной.

Впервые в своей жизни Зайяд спал рядом с женщиной.

Он всегда предпочитал быть один. Так ему было удобно. Так он сохранял дистанцию...

Зайяд стоял на балконе и наблюдал, как черное небо постепенно меняется. Близился рассвет.

Прошлой ночью он сознательно обнял Мэрайю и уснул вместе с ней. Он хотел просыпаться вместе с ней, чтобы снова любить ее. Хотел, чтобы она открыла ему свое сердце и чувства. Он хотел освободить их от этого подонка, которого она называла своим мужем.

Он закрыл глаза, потом открыл их в надежде увидеть сады, а за ними мили песка. Зайяд скучал по Эманду. Он чувствовал себя как ребенок, но ничего не мог с этим поделать. В конце концов, он вел себя как ребенок, совершенно забыв о том, зачем он здесь. И все из-за прекрасной, соблазнительной женщины.

Он услышал, как Мэрайя поднялась с постели, слышал шуршание простыней. Она пришла и встала позади него. Освещенные лунным светом тонкие простыни окутали ее с головы до ног, светлые волосы разметались по плечам. Мэрайя молчала, она просто встала перед ним и положила руки ему на грудь. Зайяд вздохнул, а ее пальцы продолжили путь вниз до живота и устремились туда, где темные волосы образовывали треугольник.

Он возбуждился еще до того, как она дотронулась до него. Глядя ему в глаза, она ласкала его, заставляя стонать от удовольствия, а когда он уже был готов взять ее, Мэрайя медленно опустилась на колени, и Зайяд напрягся, ему пришлось схватиться за дверь.

Мэрайя начала ласкать его языком.

Он едва сдерживал крик. Он так сильно хотел ее!

Она медленно продолжала ласкать его языком и руками, и, когда Зайяд уже был готов взорваться, он прошептал:

— Мэрайя... — И поднял ее с колен. — Вместе мы доставим друг другу немало удовольствий, не так ли? — спросил он хриплым голосом.

Губы Мэрайи были влажными, а глаза светились желанием, она снова повлекла его в постель. Зайяд улыбнулся, он понимал, что она отбросила все страхи и хочет получить то, чего у нее не было уже несколько лет.

— У нас есть фотографии, сэр.

Сидя на балконе за маленьким стеклянным столиком, Зайяд сделал глоток апельсинового сока и приложил телефон к другому уху.

— А они стоящие?

— О да, сэр.

Взглянув на дверь, Зайяд улыбнулся. Когда Мэрайя вернется, она очень обрадуется. Он настоял на том, чтобы она сделала в салоне маникюр и педикюр, прежде чем они отправятся обратно домой. Мэрайя не хотела идти, она предпочла бы остаться с ним и снова заниматься любовью. Зайяд же стремился баловать ее не только в сексе. Он хотел сегодня же полететь с ней в Лос-Анджелес и отвезти ее на Беверли-Хиллс, где были самые лучшие магазины, чтобы она могла выбрать там все что душе угодно — одежду, шубу, бриллианты.

Многие женщины, включая мать Редета, были бы довольны таким предложением, но что-то подсказывало ему, что Мэрайя предпочла бы всему этому весь день провести в постели с ним, обнимая его, целуя...

От этой мысли у Зайяда сдавило грудь. Он начинал раскаиваться. Он понимал, что должен сказать Мэрайе правду, и как можно скорее.

— Я бы хотел увидеть одну фотографию, — сказал он Фандалу.

— Я могу принести их вам, сэр. Как вы знаете, мы находимся от вас всего на два этажа ниже.

— Нет. Пошли мне ее по факсу. Самую лучшую.

— Конечно, сэр.

Зайяд дал своему помощнику номер факса в номере, а потом повесил трубку. Он вошел внутрь комнаты и стал ждать у телефона. Через минуту по факсу пришла фотография. Через мгновение Зайяд уже держал ее в руках и внимательно рассматривал.

Он улыбнулся. Его помощник все сделал очень хорошо — он разместил четыре фотографии на одном листе. На двух верхних — мужчина и женщина целовались на выходе из гостиницы, а на одной из нижних, которая выглядела довольно пикантно, они занимались любовью в номере гостиницы, а на последней фотографии эта же пара обедала в ресторане, сидя очень близко друг к другу. Зайяд не хотел знать, как его фотограф получил эти снимки, его это совершенно не волновало.

Внезапно открылась дверь, и Мэрайя вошла в комнату.

— Мастер по маникюру плохо говорит по-английски, и ему было нужно уходить... — Мэрайя замолчала, глядя на лист бумаги в руках Зайяда. — Что это? Это связано с твоей работой?

Он покачал головой, протягивая ей факс.

— Я сказал, что помогу тебе. У меня есть человек, который наблюдает за бывшим мужем твоей клиентки двадцать четыре часа в сутки. Здесь фотографии его и его любовницы.

Нахмутив брови, Мэрайя внимательно рассматривала факс. Она внимательно изучила каждое фрагмент, а потом подняла взгляд на Зайяда:

— Это очень хорошие снимки, и замечательно, что ты ввязался во все эти неприятности, чтобы помочь мне. Спасибо тебе.

— Но?

Она вздохнула, положив факс на стол.

— Боюсь, что они не помогут мне в моем деле.

Глава одиннадцатая

— Но почему?

Мэрайя грустно улыбнулась ему:

— На этих снимках видно, что он встречается с кем-то сейчас, а не до развода. Конечно, они помогут нам доказать, что он лгал, что ни с кем не встречается сейчас, но нам нужны доказательства его измены до развода, тогда правосудие будет на нашей стороне и мы докажем, что он обманывал свою жену.

— Понятно.

Зайяд явно был расстроен, и при виде этого Мэрайя ощутила трепетное чувство благодарности к нему, ведь ни один мужчина в ее жизни так не волновался о ней и ее делах. Зайяд Фандал был не только прекрасным любовником, он был настоящим другом.

Мэрайя подошла к нему и обняла его:

— Ты просто замечательный. Спасибо тебе за все.

— Я не нашел ответы на твои вопросы.

— Ты сделал все, что мог.

— Нет, но я сделаю.

— Я сама с этим справлюсь.

— С моей помощью.

Она посмотрела на Зайяда и просто растаяла от его страстного взгляда.

— Ты и так уже достаточно сделал...

— Я найду доказательства, Мэрайя.

— Почему это так важно для тебя?

— Потому что это важно для тебя.

Сердце ее сжалось, и Мэрайя припала к его груди. Он был таким сильным, она слышала ровные удары его сердца. Он заставил ее почувствовать себя женщиной, желанной и красивой, и она больше не могла отрицать — она была влюблена в него.

Может быть, испытывать такое чувство через столь короткий период времени глупо, но ей было все равно. Она снова чувствовала себя живой.

Внезапно ей в голову пришла безумная мысль, которая дала ей надежду. А что, если Зайяд тоже влюблен в нее или находится на пути к этому, тогда, может быть, он сможет остаться с ней?

— Есть и другая причина, из-за которой я помогаю тебе.

Мэрайя почувствовала холодок внизу живота. Неужели он расскажет ей о своих чувствах? О том, чего он хочет?

— Я делаю это и ради Редета.

— Твоего сына?

Ну конечно, он не может остаться, потому что дома его ждет сын, которого он любит больше всего на свете. И если Зайяд решит оставить своего сына ради нее, то он будет не лучше всех этих негодяев, против которых она выступала в суде.

Ирония судьбы.

Когда Мэрайя поняла, что он не сможет быть с ней, сердце словно оборвалось. Ее жизнь — здесь, а его — в Эманде.

Зайяд нежно погладил ее по волосам:

— Этот мужчина, который лгал и обманывал женщину, связанную с ним узами брака, недостоин своих детей.

В его голосе звучали гнев и отвращение. Эти эмоции Мэрайя очень явно почувствовала, но было и еще что-то, кроме гнева. Она услышала нотку разочарования или даже страха в его голосе. Она ничего не знала о нем, о его семье. И могла только догадываться, было ли это выражением его чувств по отношению к Редету и его матери, или ей лишь показалось.

Она подняла голову и посмотрела на Зайяда. Такой красивый и мужественный — в нем было что-то от воина. Он заставлял ее испытывать небывалое желание, но в то же время она восхищалась его суждениями и умом.

— Поцелуй меня, — попросила Мэрайя.

Зайяд наклонился и поцеловал ее. В комнате с прекрасным видом на озеро снова царил любовь.

Когда днем они вернулись домой, на автоответчике было десять сообщений, и Мэрайя поняла, что попала в большие неприятности. Семь из этих десяти сообщений были от Джейн.

Несколько из них были на тему: эта актриса сводит меня с ума и мне срочно нужно выпустить пар. Другие были такого рода: «Где тебя черти носят?», и последнее звучало так: «Срочно позвони мне или, клянусь, я обращусь в полицию».

Мэрайя взяла в руки телефон. Она не сразу набрала номер, находясь в легком шоке от собственного поведения. Она даже не сказала Джейн, куда собирается ехать и что будет делать. Она совершенно забыла о своей названной сестре, все мысли были лишь о Зайяде. После многих лет, когда Мэрайя не позволяла мужчине управлять своими мыслями и поступками, она удивлялась своему поведению.

— Я бы убила тебя прямо сейчас, — прорычала Джейн, но в ее голосе было больше облегчения, чем гнева.

Находясь в хорошем настроении, Мэрайя поддразнила ее:

— Если бы ты не была за много миль отсюда.

— Точно. — Джейн вздохнула. — Как твоя нога?

— Гораздо лучше, — ответила Мэрайя. — Послушай, сестренка, прости за то, что не сказала тебе, куда я поеду, но все произошло так спонтанно, понимаешь?

— Нет, потому что ты не действуешь спонтанно. Особенно по отношению к мужчинам.

— Этот мужчина, — начала Мэрайя, — как бы не было мне трудно это признать, заставляет меня забыть, как меня зовут, забыть о своих обязанностях, о своем...

— Разуме? — спросила Джейн, ее раздражение плавно перетекало в любящий смех.

— Да, точно.

— Не могу поверить, что ты влюбилась в нашего соседа, — фыркнула Джейн.

— Он не долго будет нашим соседом.

— Что ты имеешь в виду? Куда он уезжает?

— Обратно в свою страну. — Эти слова были словно наждачная бумага в горле.

— Что? Он оставит тебя после всего того, что было между вами?

Мэрайя вздохнула. Она больше не хотела изображать из себя грустную и несчастную женщину. Она вновь вкусила любви, и даже если это была не последняя любовь в ее жизни, она была острой и притягательной, и Мэрайе хотелось ее все больше и больше, не думая о последствиях.

— Джейн, дело в том, что у него есть сын. Он не может остаться здесь, потому что хочет быть рядом с ним. А ты прекрасно знаешь, как я к этому отношусь.

На несколько мгновений воцарилась тишина.

— Господи, конечно, я знаю. А что, если тебе поехать с ним?

— Он никогда не говорил об этом, а я не собираюсь спрашивать.

— Но почему?

— Я не хочу давить на него. Потому что я буду выглядеть отчаявшейся, а он будет чувствовать себя загнанным в угол.

— Но может быть, ему нужно... — Джейн не договорила, потому что на другом конце провода раздался громкий, пронзительный крик.

— Мне нужно идти, Эмми, — сказала Джейн. — Камерон Рейнолдс зовет меня. Увидимся через пару дней, хорошо?

— Хорошо.

— И не делай ничего такого, о чем потом будешь сожалеть, — засмеялась она, а потом вдруг поправилась: — Подожди. О чем это я говорю? Конечно, делай. Прыгни с парашютом, закажи на дом клубнику со взбитыми сливками, да что угодно. Ты больше всех остальных заслужила это.

Положив трубку, Мэрайя продолжала смеяться. Все это было ей не нужно, а вот еще несколько таких ночей, как прошлая, — это было бы просто великолепно.

Она подошла к окну и посмотрела на маленький домик, стоявший на заднем дворе, где сейчас работал ее мужчина.

Когда они были вместе в номере гостиницы, все было так романтично, но теперь они были дома. Неужели все будет по-другому? В конце концов, он больше не заботился о ней, несчастной Мэрайе, повредившей ногу. Нет, теперь они были любовниками, друзьями, разделявшими чаяния друг друга.

Мэрайя подошла к компьютеру и включила его. Когда эмоции были на подъеме, она решила сосредоточиться на работе. Конечно, у нее был роман, но ее клиентка рассчитывала на помощь и поддержку.

Она должна во что бы то ни стало выиграть это дело. И хотя те снимки, которые сделал друг Зайяда, не помогут ей в этом, возможно, на них есть что-то, что может помочь ей или заставит думать в правильном направлении.

Она взяла факс, который Зайяд оставил на столике в гостиной, села в кресло и стала внимательно изучать его.

Капли пота стекали по его виску, пока он тренировался с мечом. Резкий удар слева, потом справа, снова справа. Он плавно перемещался по полу комнаты. Тяжело дышал, сделал быстрый поворот, взметнув меч к потолку, а потом сделал выпад вниз, остановившись всего лишь в сантиметре от спелого яблока.

Он улыбнулся.

Да, его сын прекрасно справится с этим мечом.

Вспомнив о Редете, Зайяд снова задумался о семье. Он взял в руки полотенце, лежавшее на столике, и понял, что осталось всего два дня до возвращения его сестры. Он много узнал о ней от Мэрайи и теперь был готов встретиться с Джейн и, рассказав ей всю правду, забрать ее домой.

Он даже не думал о том, что она откажется от своего титула. Он не мог думать об этом, потому что долг был превыше всего, и Джейн должна была понять это.

Зайяд взглянул в окно на залив. Он и не заметил, как день плавно сменился закатом. Так было всегда, когда он занимался с мечом.

В этот момент все мысли улетучились из его головы, и он сконцентрировался на более приятном предмете — на Мэрайе. Им осталось быть вместе всего лишь два дня, и он хотел, чтобы эти дни были как можно приятнее и веселее. Конечно, когда она узнает, почему он здесь и почему скрывал свое настоящее имя и положение, она больше не захочет иметь с ним никаких дел.

Ему внезапно стало не по себе. Возможно, он ошибается, но ему не хотелось, чтобы Мэрайя знала, кто он такой. Он желал, чтобы все осталось так, как есть.

Впервые в жизни никого не волновал его статус, его богатство и титул. Мэрайя относилась к нему как к мужчине, а не как к принцу. И за это он всегда будет у нее в долгу.

— Время ужина.

Зайяд повернулся и потерял дар речи.

Мэрайя стояла, освещенная лунным светом, в прозрачной белой маечке и в коротких белых шортах. Она выглядела готовой к постели, а не к ужину.

Зайяд подумал, приближаясь к ней, что вполне можно начать с десерта.

Глава двенадцатая

— А я все думала, где же мы закончим, — сказала Мэрайя, прижимаясь к его груди.

Прошлой ночью они совершенно забыли про ужин и отправились прямо в постель. Два часа спустя они уснули, а еще через два часа Мэрайя разбудила Зайяда поцелуем в самое нежное и чувствительное место.

Не стоит и говорить о том, что остаток ночи они провели так же, как и ее начало.

— А что значит: где же мы закончим?

Она засмеялась:

— Между нашими квартирами. Я думала, где же мы закончим, в твоей или в моей постели.

— Ну, мы же сейчас вместе в одной постели, не так ли?

— О, да.

За окном сиял рассвет, и Мэрайя наблюдала, как наступает новый день. Она всегда любила солнечные дни, но сейчас ей было все равно, даже если начнется ураган. Она не позволит никому и ничему испортить себе настроение.

Мэрайя наслаждалась временем, которое осталось. Остался всего один день до возвращения Джейн, и тогда все будет по-другому... Все вернется на круги своя.

Появятся вопросы, над которыми она даже не хотела задумываться, а тем более искать на них ответы.

С того дня, как она встретила этого удивительного мужчину, она начала новую жизнь. И пока эта фантазия будет продолжаться, она будет в полной мере наслаждаться ею.

Она медленно провела рукой по груди Зайяда, по его животу и дальше вниз.

— Мне нравится спать с тобой в одной постели, — сказала она, не боясь выглядеть уязвимой. — Я думала, что мне никогда не понравится делить с кем-то постель. Я привыкла быть одна, спать одна, жить одна.

— Ты живешь не одна.

— Я не имею в виду разделение пространства. Имею в виду мое сердце. Я одинока в своем сердце...

— Иногда в одиночестве есть своя прелесть. Иногда отчужденность защищает нас, не так ли?

— Верно. Я четыре года защищала себя, может быть, даже дольше.

— А теперь?

— Я больше не хочу этого делать.

— Даже если тебе опять будет больно?

— Даже если мое сердце разобьется на куски.

Зайяд повернул ее лицом к себе и посмотрел на нее с нескрываемым изумлением:

— Как ты можешь говорить такое после всего того, что тебе пришлось пережить?

— Потому что я медленно умираю все эти четыре года. Конечно, я боролась, как могла, но жизнь в постоянном страхе — это и не жизнь вовсе.

— Я пытаюсь не думать об этом.

— Почему? Потому что ты веришь, что ничего не должно меняться, или ты боишься того, что случится, если это все-таки произойдет?

Он ожесточился, и светлое, любящее настроение, царившее минуту назад, прошло.

— Прости меня. — Мэрайя покачала головой. — Это было неправильно с моей стороны говорить такие вещи. Ведь это твоя жизнь, твой выбор.

Зайяд угрюмо улыбнулся ей:

— Мы делаем то, что должны. А перемены придут в свое время.

Мэрайя согласно кивнула, снова опуская голову ему на грудь. Он был прав. Даже если он стал стимулом к ее изменению, к принятию нормальной жизни после ужасного развода, возможно, он сам не был готов жить нормально. Может быть, ему, как и ей, нужно влюбиться, чтобы снова начать жить.

Ее сердце сжалось от боли, но она постаралась отогнать ее подальше от себя. Может быть, Зайяд и не любит ее, но, в отличие от ее бывшего мужа и всех этих неудачников в суде, он был честен с ней. Он ничего ей не обещал, никогда не говорил, что любит ее, чтобы заслужить ее доверие.

Нет, просто он еще не был готов.

Мэрайя приподнялась на локте и весело улыбнулась ему. Он так много делал для нее, заботился о ней, был для нее и любовником, и другом. Если он возвращается домой через неделю, то ей хочется быть уверенной, что он не забудет ее и то время, которое они провели вместе.

— У тебя есть планы на сегодня? — спросила она.

— Да.

Ну, конечно.

Она отвернулась. Конечно, у него есть и другие дела. Каждый день не может быть развлечением. Она может в это время заняться работой, убраться в квартире и...

Он протянул руку и нежно погладил ее по щеке:

— После того, как мой врач осмотрит твою лодыжку, у меня есть планы, связанные с тобой. — Зайяд улыбнулся ей. — Я думал о том, чтобы отправиться на пляж.

Сердце ее подпрыгнуло, и она улыбнулась ему в ответ:

— Мы отправимся на пикник?

— Да, и возьмем с собой немного вина.

— И будем строить замки из песка.

Он удивленно поднял брови:

— Что это такое — замки из песка?

— Ты не знаешь, что такое... — Мэрайя взмахнула руками, пытаясь изобразить ужас на лице, но рассмеялась. — Я покажу. Тебе обязательно понравится. В конце концов, это тоже своего рода произведение искусства.

* * *

Зайяд сидел на теплом песке и улыбался. Он был невероятно горд своей работой, но сегодня этого было недостаточно.

Любопытно.

Раньше ему никогда не требовалось чье-либо одобрение. Он посмотрел на Мэрайю, которая выглядела просто великолепно в бледно-голубом купальнике. Ее тело возбуждало, а улыбка заставляла верить, что настоящее счастье все-таки возможно. Она очень отличалась от женщин, которых Зайяд когда-либо знал. И ему хотелось знать ее мнение, получить ее похвалу.

Да, ему было это необходимо.

Указав рукой на свое сооружение из песка, он спросил ее:

— Как тебе мое строение?

— Просто волшебно, — ответила Мэрайя. Ее волосы развевались на ветру, словно золотой парус. — Это похоже на что-то из диснеевских мультфильмов.

— Правда? Ну, вообще-то это не из мультфильмов. Это — дворец султана в Эманде.

— Правда? — Она выглядела впечатленной.

— Только без садов, плавательного бассейна и некоторых внутренних убранств.

— Ну, конечно, — засмеялась Мэрайя. — Он очень большой, он просто огромен. Султан, должно быть, с трудом находит там зубную щетку.

— Я уверен, что он точно знает ее местонахождение. — Зайяду стало не по себе. Он сам начал эту игру, но теперь она превратилась в ложь, прикрытие. Он не хотел больше обманывать Мэрайю, он слишком дорожил ею. Он должен сказать ей правду. Сегодня вечером.

На мгновение Зайяд задумался, почему не открылся ей раньше. Он же не опасался, что Мэрайя все расскажет Джейн и не оставит ему шансов. Может быть, в самом начале так и было, но в последние несколько дней он просто хотел, чтобы ничто не мешало их роману. Ничего, даже его долг и честь.

Осознание всего произошедшего ужалило его, словно скорпион. Он сознательно оставил свою страну ради женщины и отступился от своих принципов ради удовольствия.

Может быть, это и хорошо, что он скоро уезжает.

— Это новый дворец? — спросила Мэрайя, отрывая его от тяжелых мыслей. — Или древний, как в исторических книжках?

— Для жителей Эманда — он вечен. Королевская семья жила там в течение многих веков.

— Ты хорошо знаешь их историю?

— Да.

— А нынешний султан — он старый? У него несколько жен и много детей?

— Вообще-то он не женат. А в Эманде, хотя и придерживаются исконных традиций, в королевской семье всегда была только одна супруга.

Она улыбнулась:

— Мне это нравится.

— Да, как и большинству американцев.

Мэрайя засмеялась:

— И ты мне нравишься.

От этого комплимента у Зайяда все сжалось внутри. Это простой комплимент, но в нем было столько искренности и тепла. Эта женщина не знала, что мужчина, о котором они говорят — монарх, живущий в золотом дворце, — это тот же человек, который хочет ее больше всего на свете, прямо здесь и прямо сейчас.

Нет.

Она думала о нем как простом мужчине, и он ей нравился.

Зайяд взял ее руку и нежно поцеловал:

— Что еще ты бы хотела узнать?

— А ты видел султана вблизи?

— Да, видел.

— Ну, и какой он? Властный, свирепый, требовательный? — Ее глаза блестели от любопытства.

— Он управляет страной, Мэрайя. Бывают времена, что он должен быть таким, как ты

говорила.

Мэрайя согласно кивнула:

— Конечно. Это забавно, но мы представляем себе королевскую власть как нечто романтическое, но это не всегда так.

— Это редко бывает... Я думаю.

— Невероятно тяжелая работа, но я уверена, что у него много советников.

— Много, но они не настолько компетентны, как ему хотелось бы. — Зайяд понимал, что пора остановиться, но он этого не сделал. Это было просто замечательно, что можно поговорить на такие темы с настоящим другом. — Есть много причин, которые вызывают его разочарование. В Эманде существует много социальных проблем, которые необходимо решать. Это непросто — изменить целые века страхов, предрассудков и глупых идей, но постепенно все меняется к лучшему.

Мэрайя взяла баночку с солнцезащитным кремом и выдавила немного на ладонь.

— По твоим словам, султан — весьма дальновидный правитель.

Ее восхищение порадовало Зайяда.

— Я горжусь тем, что могу сказать — это именно так.

Она нанесла крем на нос и щеки.

— Исправить ошибки, помочь людям справиться с их беспочвенными страхами — это огромная работа.

Внезапно она вздохнула, и плечи ее опустились.

— Это та работа, которую я хотела делать.

— Но ты и делаешь. — Он приблизился к ней и крепко обнял. — И ты будешь продолжать заниматься этим.

— Надеюсь.

— Ну, хватит о грустном. — Зайяд помог ей подняться. — Пойдем со мной.

— Куда?

— Ты разве не любишь сюрпризы?

— Я никогда особенно не любила сюрпризы, но твои...

Зайяд повернулся к ней и слегка поклонился:

— Я надеюсь, что смогу всегда радовать тебя невероятными сюрпризами.

Все мысли о работе, все страхи и сомнения были унесены прочь легким морским бризом. Мэрайя поежилась от волнения, когда они уходили от морского берега и своих замков в

сторону холмов.

— Я нашел это место на следующий день после своего приезда сюда, — сказал Зайяд, подводя ее к маленькому песчаному холму.

Шум волн, разбивающихся о берег, все еще был хорошо слышен, но они уже были одни. Зайяд нашел для них прекрасное убежище — небольшую пещеру.

Вход в нее был достаточно низким, так что им пришлось нагнуться, чтобы войти. Все морские водоросли, влажная земля и камни, которые Мэрайя ожидала тут увидеть, были убраны. В центре пещеры на чистом песке лежал большой и очень красивый ковер, на котором была разложена их трапеза.

На самом деле это больше походило на настоящий пир. Там были мясо, сыр, салаты, фрукты, сладости и вино. Она никогда не видела ничего подобного и думала, что никогда больше и не увидит.

Зайяд усадил ее на ковер, теплые солнечные лучи, проникавшие через небольшие отверстия, согревали ее плечи и бедра.

— Я подумал, что у нас должно быть место для уединения, — сказал он, располагаясь рядом с ней.

Она прижалась к его груди и вздохнула:

— Как ты это сделал? Когда ты успел?

Он улыбнулся и взял с тарелки кусочек дыни:

— Я попросил своих... друзей помочь мне.

— Хорошие у тебя друзья. Это просто невероятно.

— Я рад, что тебе нравится.

Он положил кусочек сладкой дыни ей в рот.

Разве он не понимает, что постоянно радуется тебе?

— Ты совсем разбалуеть меня, Зайяд, и другие мужчины с тобой уже не сравнятся.

Мэрайя не хотела произносить этого вслух. Ей хотелось выглядеть игривой и приветливой.

Но в его черных глазах не было и следа игривости.

— Я не хочу думать о тебе с другим мужчиной, — печально сказал Зайяд.

— И я тоже не хочу. — Черт побери, она не хотела думать о другом мужчине до конца своей жизни. — Или о тебе с другой женщиной.

— Мне не нужна другая.

— Я понимаю. Не сейчас, но...

Зайяд взял ее за руку:

— Пожалуйста, давай поедим, хорошо? Мне неприятно говорить на эту тему.

— Это хорошее предложение, я проголодалась. — Она улыбнулась, наклонилась и поцеловала его в надежде, что это поможет восстановить веселое настроение. — Я нагуляла аппетит, пока строила этот дворец.

Он криво улыбнулся ей:

— Ты строила?

— Да.

Он удивленно поднял брови.

— Хорошо, я, конечно, не занималась его строительством, но я приносила песок и воду. Ты должен это признать.

— Хорошо, признаю.

Они ели, разговаривали о ее работе, об искусстве, о вкусах и предпочтениях... Они выяснили, что оба любят малину и не любят имбирь. Время пролетело незаметно, солнце ушло, а вместо него забарабанил дождь.

Мэрайя собрала посуду и поставила ее у выхода.

— Похоже, нам придется здесь задержаться на некоторое время.

Зайяд улыбнулся уголком рта:

— Думаю, да.

— Но что мы будем делать?

Зайяд приблизился к ней, улыбаясь:

— Я думал о нескольких вещах.

Она игриво отпрянула назад:

— Например?

Зайяд быстро обнял ее, укладывая на ковер, и прижался лицом к ее животу:

— Об этом. — Он поцеловал ее разгоряченную кожу.

— Это приятно, — сказала Мэрайя, едва дыша.

Он стянул с нее нижнюю часть купальника, слегка покусывая ее бедра:

— И об этом.

— Да. — Это было больше похоже на писк, чем на слово, но ей было все равно. Ей нравилось, когда он ласкал и целовал ее, заставляя забыть обо всем.

Зайяд смотрел ей в глаза, снимая верхнюю часть купальника:

— И об этом.

— Да, Зайяд, пожалуйста.

Никогда в своей жизни Мэрайя никого не просила, тем более о таких интимных вещах. Может быть, потому, что считала себя недостойной такой любви, потому, что считала себя недостаточно сексуальной и желанной...

Зайяд посмотрел на нежные завитки между ее ног.

— О, да. Этим я могу заниматься часами.

Мэрайя больше не могла говорить, думать, когда он проник внутрь нее языком. Так глубоко, что она едва могла дышать. Его руки обнимали ее за ягодицы, нежно поглаживая их.

На мгновение прервался и сказал ей:

— На вкус ты просто чудесна.

Мэрайя застонала, сжимая песок руками.

Медленно, очень медленно он ласкал ее, заставляя испытывать сильнейшее наслаждение в жизни.

— Зайяд, пожалуйста, — стонала она.

— Чего ты желаешь?

— Чтобы... ты... быстрее...

— Не могу, я должен делать это медленно.

Напряжение внутри нее нарастало. Мэрайя извивалась, дрожала и кричала, крепко прижимая его к себе. Это был самый прекрасный оргазм в ее жизни.

Придя в себя, она потянулась к Зайяду, чтобы он вошел в нее и испытал наслаждение сам. Но к ее удивлению и разочарованию, он этого не сделал. Вместо этого Зайяд крепко обнял ее, прижимая к себе, поцеловал ее волосы и уснул.

Глава тринадцатая

Все хорошее когда-нибудь кончается, не так ли?

Когда день стал близиться к вечеру, а дождь перестал, они поняли, что пора возвращаться.

В машине играло радио. Зайяд думал о том, что случится, когда они вернутся домой и придет Джейн. Мэрайя просматривала фотографии бывшего мужа своей клиентки, которые сделал человек Зайяда. Она выглядела обеспокоенной и полностью погруженной в себя.

Внезапно Зайяд почувствовал ее отчуждение, и ему захотелось, чтобы Мэрайя отложила эти снимки и поговорила с ним. Были вопросы, которые они еще не обсудили... Например, она не спросила, почему в пещере он просто обнял ее, а не стал заниматься с ней любовью. Зайяд

знал, что она думает об этом, и если она все-таки спросит, он скажет, что у него не было средств защиты. И это будет правдой.

Но было и еще кое-что очень важное.

Он был готов любить ее, предохраняясь или нет. Он хотел чувствовать ее повсюду, без всяких преград, полностью забыв о последствиях. И этот факт так сильно пугал его, что ему пришлось сдерживать свои желания.

Если быть честным перед самим собой, он должен признать, что Мэрайя Кеннеди завладела его сердцем, или тем, что от него осталось, и он не хотел покидать Калифорнию через неделю.

— О боже мой!

Этот возглас привлек внимание Зайяда. Он взглянул на Мэрайю:

— Что случилось?

Она держала в руках фотографию, пристально вглядываясь в нее:

— Я просто не могу поверить.

— Что там? — спросил Зайяд.

— Здесь кое-что есть. — Она потрясла фотографией и улыбнулась. — Кое-что, что мы пропустили. Видишь маленькую голубую коробочку от «Тиффани» с обручальным кольцом?

— И что? — Зайяд вырулил на главную дорогу, направляясь в сторону парка.

— Посмотри сюда, — сказала Мэрайя, указывая на снимок, где парочка обедала в ресторане. — Он надевает ей кольцо на палец.

Зайяд посмотрел на фотографию повнимательнее. Все верно. Мужчина надевал кольцо с маленьким бриллиантом женщине на левую руку.

— Да, я вижу. Но ты говорила, что он сделал ей предложение недавно, когда был уже в разводе с твоей клиенткой. Так что теперь не важно, что он сейчас с другой женщиной.

Он заметил возбуждение в ее тигриных глазах.

— Кроме того, что он купил это кольцо, пока еще был женат.

Зайяд помолчал, обдумывая ее слова.

— Продолжай.

— В отчетах по кредитной карте, которые я изучала, я нашла счет от «Тиффани». Когда я спросила свою клиентку об этом, она сказала мне, что это был подарок на день рождения для нее и близнецов, у них день рождения в один день. А сумма счета не показалась ей подозрительной, потому что муж всегда дарил ей и детям весьма экстравагантные подарки. — Мэрайя пожала плечами. — Так что я и не стала проверять.

Зайяд покачал головой:

— Все равно я не понимаю. Ведь очевидно, что он купил эти подарки.

— Да, но, возможно, он прибавил к этому счету и стоимость небольшого обручального кольца, зная, что его жена никогда не будет проверять счет за подарки для нее самой.

Зайяду все стало ясно, он улыбнулся:

— Ты просто великолепна.

Она покраснела:

— Спасибо.

Он засмеялся, моментально забыв о том, что он не принадлежит этой женщине, и позволил себе насладиться ее счастьем.

— Я знал, что ты сможешь это сделать. Но мой человек продолжает поиски. Возможно, он сможет найти что-то еще в прошлом этого человека, и вместе с твоим открытием это поможет твоей клиентке вернуть детей.

Мэрайя улыбнулась ему своей самой очаровательной улыбкой:

— Да, я начинаю думать, что это действительно может случиться.

— А что я тебе говорил?

— Что я вполне могу выиграть это дело.

— Ты будешь чаще прислушиваться ко мне, хорошо?

Она пожала плечами, сказав игривым тоном:

— Может быть.

— Может быть? — Зайяд обнял ее и поцеловал. — Я хочу тебя, — пробормотал он.

— Я тоже хочу тебя, но... — Она наклонилась к его уху и нежно поцеловала. — Секс в автомобиле — звучит забавно, но я не думаю, что это возможно.

Он улыбнулся:

— Согласен. — Хотя в тот момент, когда Мэрайя прикоснулась к его уху, Зайяд думал только о том, как расстегнуть молнию на джинсах и посадить ее на себя. Но Мэрайя хотела подождать, а она была его принцессой. Он должен делать все, что она попросит.

— Мы оба должны пару часов поработать, правда? А потом встретимся за ужином.

Она кивнула, но внезапно ее взгляд стал печальным.

— Что случилось? — спросил Зайяд.

Она покачала головой:

— Ничего, все нормально.

— Скажи мне.

Мэрайя глубоко вздохнула:

— Я не знаю. Просто я никогда еще не встречала человека, который так бы поддерживал меня.

Зайяд крепче вцепился в руль.

— А разве твой муж не помогал в твоей работе?

— Никогда.

— А почему?

— Он никогда не любил соревнований, ни в работе, ни в жизни.

Зайяд высокомерно хмыкнул:

— Он хотел чувствовать себя всемогущим. Это грустно. Он был просто дураком.

— Долгое время я думала, что все мужчины такие. — Мэрайя положила руку ему на плечо, и Зайяд вздрогнул от этого прикосновения. — Но тебе ведь не надо чувствовать себя всемогущим, правда?

Этот вопрос чуть не вызвал у него взрыв смеха. Он был правителем своей страны. Он был всемогущим. Но нужно ли это женщине, которая была умной и талантливой и могла спорить и отстаивать свою точку зрения? Он думал, что нет. Не сейчас...

— Все желают чувствовать себя сильными и уверенными, и я должен признать, что в юные годы я оказывал давление на других людей для достижения собственных целей. Слава богу, эта детскость покинула меня.

— Я рада, потому что так жить нельзя.

— Когда мне было двадцать один год, меня заставили понять, что любовь и уважение нельзя получить по приказу, силой или при помощи лести. Это был хороший урок для меня, который я собираюсь преподать своему сыну.

Восхищение и что-то еще, страшно похожее на любовь, промелькнуло в ее чудесных глазах. Зайяд не хотел смотреть на нее, не хотел видеть ее чувства.

Но он не мог с собой справиться.

Этим вечером они ужинали за ее небольшим кухонным столиком. Это была не пещера с коврами и шумом океана, но Мэрайя постаралась накрыть стол романтично. Свечи, цветы из сада, винные кубки и столовое серебро Тары.

Она была уверена, что вполне справилась с приготовлением ужина, пока Зайяд не сказал:

— Ты очень плохая кухарка, Мэрайя Кеннеди. Ты замечательный юрист, с ногами, которые заставляют растаять сердце любого мужчины, но кухарка, к сожалению, нет.

Мэрайя засмеялась:

— Я знаю, что почти безнадежна. А ты, наверно, и не думал, что можно испортить спагетти?

Он поднял вилку со спагетти:

— Как долго ты готовила это?

— Меня отвлекли.

— Работа?

Нет, не работа. Ты.

Все ее мысли были о нем, но Мэрайя не могла сказать этого. Она не могла сказать Зайяду, что сидела за кухонным столом и размышляла, что будет с ней после его отъезда.

Она наполнила бокалы вином и подала ему хлеб.

— Да, я думала о своем деле.

— Не волнуйся, Мэрайя. Я же говорил тебе, что все пройдет гладко. Особенно после того, как ты нашла доказательства.

— Ты прав. Я знаю, что ты прав.

— Это редкий случай, но такое бывает, — улыбнулся Зайяд. — Ты подтвердила счет от «Тиффани»?

— Да, все так, как я и думала.

— Очень хорошо.

Внезапный порыв ветра ворвался в открытое окно кухни, заставив пламя свечей станцевать бешеный танец. Вот они вместе ужинают, как обычные люди. Как семейная пара.

Хотя они совсем не обычные и тем более не пара.

У Мэрайи стало совсем тяжело на сердце, и она решила сменить тему разговора:

— Ну что, ты говорил с сыном?

— Да, час назад.

— Как он?

— С ним все в порядке, но скоро я сам смогу в этом убедиться.

Она кивнула, нервно сглотнув. Может быть, им стоит поговорить, рассказать, что у каждого из них на уме?

Вероятно, Зайяд подумал о том же. Он взял ее за руку:

— Я скучаю по своему сыну, по своей стране, но все же...

— Да? — прошептала она, лелея глупую надежду.

— Мысль об отъезде заставляет меня грустить.

— Ну, тогда не уезжай, — улыбнулась Мэрайя, пытаюсь выглядеть непринужденной и веселой.

— Я должен. — Зайяд сделал глоток вина. — Все очень сложно, Мэрайя.

— Так всегда. — Она высвободила свою руку из его ладоней и начала убирать со стола тарелки, наполненные ее ужасной пастой.

Он схватил ее за запястье:

— Не замыкайся в себе.

— Я и не замыкаюсь.

— Нет. Несколько дней ты была свободной, легкой и счастливой.

Он разве не понимает? Свобода, легкость, счастье, желание — все это пришло вместе с ним.

— Я все понимаю, Зайяд. У тебя есть Редет, твоя жизнь там...

— Я *должен* быть в Эманде. Ты права — моя жизнь там. — Внутри него шла отчаянная борьба. — Это ответственность, не похожая ни на что. — Зайяд замолчал, сильно побледнев. — То есть я хотел сказать, что...

— Нет, пожалуйста... Давай просто насладимся этим вечером.

Он кивнул, ласково освободив ее от тарелок, и посадил к себе на колени, крепко обняв.

При свете одинокой свечи они неистово занимались любовью, и мир вокруг них перестал существовать.

Глава четырнадцатая

— Дорогая, я дома.

Звонкий женский голос разнесся по всей квартире, словно тысяча колокольчиков.

Зайяд перекатился на другую сторону кровати, пытаюсь найти Мэрайю, но наткнулся лишь на холодные простыни. Тревога сдавила ему грудь. Впервые в жизни ему не понравилось просыпаться одному. Это было опасное признание, но спать рядом с Мэрайей было удовольствием, и он был бы не против, если бы так было каждую ночь.

Зайяд выскользнул из постели и потянулся за одеждой. Выходя в гостиную, он все еще застегивал пуговицы на рубашке.

В кресле сидела, просматривая почту, прекрасная темноволосая женщина. Она посмотрела на него и улыбнулась:

— О, привет.

— Привет. Ты, должно быть, Джейн.

— Точно, а вот ты явно не Мэрайя.

Ее глаза смеялись. В этом она была так похожа на свою мать. Сердце Зайяда сжалось. Его младшая сестра стояла перед ним, а у него даже не было слов.

Джейн внимательно изучала его.

— Так, значит, ты тот мужчина, который заставляет сердце моей подруги биться чаще?

— У нее что, проблемы с сердцем? — смущенно спросил Зайяд.

Джейн засмеялась:

— Нет, нет. Просто это такое выражение, которое означает, что ты ей нравишься, вот и все.

— А, ясно. Просто иногда английский бывает не совсем понятен для меня.

— Для меня тоже. — Джейн снова улыбнулась. — Ну, так где же Мэрайя?

— Думаю, она ушла кое-что проверить для своего дела.

Джейн вздохнула:

— Как всегда. Я надеюсь, что вы оба занимались чем-то, кроме работы, пока я была в отъезде.

Зайяд сел в кресло напротив нее:

— Мы много времени провели, делая разные глупости.

Ее улыбка стала шире, она взяла со столика их с Мэрайей фотографию.

— Это хорошо. Ей нужно развлечься, и, глядя на тебя, я думаю, тебе тоже не помешает.

Он улыбнулся ей в ответ. Юмор и огонь в крови — в Джейн была душа Аль-Найялов, мудрая и быстрая. Его отец гордился бы ею.

— Давай не будем говорить о Мэрайе. Давай поговорим о тебе, Джейн. — Он наклонился к ней, готовый услышать о желаниях и мечтах своей сестры прямо из ее уст. — Расскажи мне о своих увлечениях, стремлениях. Как давно ты уже работаешь поваром?

Джейн почувствовала себя неудобно, но не стала уклоняться от ответа на этот вопрос:

— Пять лет.

— Я уверен, что ты преуспела в этом занятии.

— Я не знаю.

— Я знаю, — сказал Зайяд с уверенностью в голосе. Представители семейства Аль-Найялов всегда добивались больших успехов на выбранном ими поприще. — Я слышал, что ты хотела бы открыть свой собственный ресторан.

— Да, верно. Кто тебе сказал об этом? Мэрайя?

— Мэрайя и твоя мать.

— Ты знаком с моей матерью?

— Да, мы встречались два раза. Она просто замечательная.

— Да, это так. Самый лучший родитель, о котором может мечтать любая девушка.

— Так же, как и твой отец...

Она покачала головой:

— Я никогда не знала этого человека. Он умер до моего рождения.

Зайяд скрестил на груди руки:

— Разве это так?

Мэрайя стояла у открытого окна и слушала, ее сердце снова возвращалось в спасительную мрачную, несчастную скорлупу.

Давай не будем говорить о Мэрайе. Давай поговорим о тебе, Джейн.

Он сказал это с таким интересом и заботой, что не оставалось сомнений — Джейн интересовала его.

Мэрайя прислонилась к белой стене. Слезы душили ее, пока она слушала, как Зайяд восхищался тем, каким замечательным поваром является Джейн. Мэрайя не понимала. Она просто не могла понять, как этот мужчина, который заботился о ней, баловал, занимался с ней любовью, теперь запросто флиртовал с ее подругой.

Хотя что тут непонятного?

Вся ее жизнь была полна таких парней, как этот, хотя и не таких красивых. А она-то думала, что влюбилась. Как она снова могла полюбить очередного игрока? Парням явно нужна победа — завойей эту, горячую, страстную, переверни все с ног на голову, а потом брось ее. Роман окончен. Переходим к другому.

Сердце Мэрайи разрывалось на части, ей хотелось бежать отсюда. Она просто ненавидела это ощущение, что жизнь скоро разобьется о страшную, безысходную реальность.

Но хотя инстинкт самосохранения был все еще силен в ней, сама она — изменилась. Она больше не была той злобной, запуганной, стервозной адвокатшей. Мэрайя снова влюбилась, и ей нравилось это чувство, несмотря на то, что теперь оно несло и боль.

На этот раз ей некуда было бежать.

Руки ее дрожали, когда Мэрайя открывала входную дверь, и ее улыбка тоже была дрожащей, когда она увидела свою подругу. Та выглядела обеспокоенной, словно ей было не по себе.

— С возвращением, Джейн.

Улыбка озарила лицо Джейн, она встала и крепко обняла Мэрайю:

— О, Эмми, я так рада снова видеть тебя.

— И я тоже. — Она отстранилась от нее. — Послушай, ты не оставишь нас на пару минут вдвоем с Зайядом?

Понимание отразилось в глазах Джейн, она кивнула:

— Конечно, пойду, распакую вещи. А потом пицца и кино?

— Как пожелаешь.

Джейн даже не махнула Зайяду рукой на прощание. Она быстро поднялась на второй этаж и закрыла дверь.

Когда Мэрайя встретила с ним взглядом, она даже не удивилась тому, что он улыбается. Такой же очаровательный, как всегда. Надо же, он имеет наглость притворяться, что скучал по ней.

— Послушай, Зайяд, я все слышала через окно. Слышала тебя и Джейн. Твои комплименты и заигрывания. — Она явно нервничала. — Боже мой, я такая идиотка. С самого начала я подозревала, что тебя интересовала Джейн, я имею в виду, все эти расспросы о ней... Но потом, когда ты проявил интерес ко мне, я подумала, что это лишь мои подозрения. Оказывается, я ошибалась. Ты просто развлекался со мной, пока она не вернулась?

Его темные глаза стали серьезными, он поднялся из кресла и подошел к ней:

— То, что ты говоришь, просто невозможно.

О, это высокомерие.

— Я все слышала, Зайяд. Давай не будем говорить о Мэрайе. Давай поговорим о тебе, Джейн... Все предельно ясно.

— Так может показаться с самого начала, однако все не так уж и ясно.

— Не играй со мной в игры.

— То, что ты слышала, это мое личное дело.

— Дело? Для чего? Ты только что познакомился с ней. Ты даже не знаешь ее.

— Тебе может показаться это странным, но я знаю ее, и если ты просто доверишься мне...

— Довериться тебе? Да ладно, Зайяд. Ты же знаешь меня. Ты знаешь, через что мне пришлось пройти с моим лживым мужем. А после того, что я услышала, ты думаешь, что я смогу доверять тебе?

В дверь позвонили, потом еще раз.

Мэрайя не двинулась с места.

Зайяд поднял брови:

— Мне открыть?

— Не надо, я сама. — Она покачала головой, охваченная разочарованием, растерянностью и

горем. — Я думаю, что нам больше нечего обсуждать.

Очередной трус, думала Мэрайя, широко распахивая дверь. Но на этом ее мысли остановились.

Словно ее ослепили сотни фотовспышек.

Глава пятнадцатая

— Они нашли меня. Быстро сюда.

Зайяд нажал кнопку отбоя на телефоне. Это была просто катастрофа. Сначала он совершил ошибку, отключив камеры наблюдения и отослав своих людей, потому что ему хотелось уединиться с Мэрайей. Вторая его ошибка была в том, что он слишком долго ждал, чтобы сказать Мэрайе и Джейн правду.

А теперь за его дверью толпились папарацци, его сестра считала, что он решил приударить за ней, а женщина, которую он желал больше всего на свете, думала, что он просто подлец.

Хотя что касается последнего, то Мэрайя была недалеко от истины.

Джейн спустилась со второго этажа.

Мэрайя выглядела совершенно сбитой с толку:

— Что здесь происходит? Репортеры нашли тебя? — Она была в полном замешательстве. — Сначала я обвиняю тебя в том, что ты ухаживаешь за...

— Моей сестрой, — быстро вставил Зайяд.

— ... Джейн, а потом здесь оказывается туча репортеров. — Мэрайя внезапно остановилась. Она сдвинула брови, нервно сглотнув, облизала губы и уставилась на него:

— Что?

Встав рядом с Мэрайей, Джейн повторила за ней:

— Что?

Стук в дверь заставил женщин вздрогнуть. Зайяд покачал головой:

— Это один из моих людей. Извините меня, я на минутку.

Женщины промолчали.

Зайяд провел Фандала в комнату:

— Это начальник моей службы безопасности.

— Начальник службы безопасности? — Мэрайя почти кричала. Потом ее голос стал низким и опасным. — Я собираюсь снова спросить тебя, что здесь происходит, а потом я открою дверь и натравлю на тебя всех этих репортеров. Что здесь, черт побери, происходит?

Он не хотел, чтобы все было так, но у него не было выбора.

— Меня зовут Зайяд Аль-Найял. Я — султан Эманда.

Он заметил, как кровь отлила от лица Мэрайи, а Джейн выглядела совершенно смущенной.

— Несколько недель назад, — объяснял он, — помощник моего отца сделал признание перед смертью. — Зайяду хотелось быть рядом с Мэрайей, пока он будет все рассказывать, но она смотрела на него так, словно он был кактусом с ужасными колючками. — Он признался, что, путешествуя по Калифорнии, мой отец встретил американку и провел с ней три дня. Он также признался, что эта женщина была беременна и родила ребенка, о котором мой отец ничего не знал.

Мэрайя покачала головой:

— Я ничего не понимаю.

— Я уже знал, кто она, когда покидал Эманд. Но, прежде чем сказать ей правду, я хотел узнать ее, понять, что она за человек, чего она стоит. — Он посмотрел на Джейн, которая была готова упасть в обморок. — Я хотел знать, достойна ли она занять место рядом со своими братьями.

Джейн вскрикнула:

— Нет, я не... Это просто невозможно.

— Это так, сестра моя, — сказал Зайяд.

— Мой отец умер...

— Он умер, но гораздо позже твоего рождения.

— Моя мать сказала бы мне об этом. Она не стала бы лгать мне.

Зайяд вспомнил лицо Тары, когда она объясняла ему свои причины и страхи.

— Она защищала тебя. Помощник нашего отца никогда не говорил ему о тебе. Он солгал и Таре, сказав, что отец не хочет иметь ничего общего ни с матерью, ни с ребенком. Твоя мать вела себя так, потому что думала, что отец отказался от тебя. Она солгала только для того, чтобы защитить твое сердце.

Джейн выглядела пораженной и ошеломленной.

— А почему ты солгал, Зайяд?

— Я думал, что будет лучше сохранить мое имя в тайне. Я чувствовал, что важно узнать тебя до того...

— Узнать, достойна ли я, правильно?

Он опустил голову:

— Да.

Они продолжали разговаривать, спорить, задавать вопросы, но Мэрайя больше не слушала их. Она была сбита с толку, ей было очень больно. Девушка выскользнула из комнаты, прошла через кухню на задний дворик. Она бежала, не разбирая дороги, пока не оказалась рядом с маленьким домиком. Она вошла внутрь, увидела мечи Зайяда — блестящие, прекрасные, неприступные — и упала на пол, обхватив голову руками.

Все было ложью. Пусть он не хотел встречаться с Джейн, но и ее он тоже не хотел. Просто использовал в качестве источника информации. Она вспомнила все его расспросы, его интерес к Таре. Он просто хотел узнать побольше о Джейн, получив легкий доступ к ней от ее матери и лучшей подруги.

На глаза набежали слезы, живот скрутило судорогой. Она снова сделала это. Позволила очередному богатому и неотразимому мужчине завоевать ее, а потом бросить.

Неудачница!

Дверь в домик отворилась, и в комнату проник свет.

— Я знаю, о чем ты сейчас думаешь.

— Уходи, — прорычала она.

— Я буду честным настолько, насколько это возможно.

— Да, хорошо бы.

Зайяд сел рядом с ней на пол.

— А разве короли должны сидеть на полу? — спросила Мэрайя с иронией в голосе.

— Прошу, оставь свою враждебность на минуту. — Зайяд вздохнул и продолжил: — Да, все началось с обмана. Я хотел получить информацию о Джейн. Но ты должна поверить мне, что все изменилось с того дня в Оджайи. Я испытал к тебе серьезное чувство, которое только крепло с каждым днем.

— Но ты продолжал обманывать меня.

— Да. Я думал, что не должен говорить тебе, кто я такой, пока Джейн не вернется.

— Ты сказал Таре, да?

— Она сама догадалась.

— Я думаю, что все это полная ерунда.

Зайяд взял ее за руку:

— Я понимаю, ты сейчас рассержена...

— Рассержена? Это еще мягко сказано. Ты знал, через что мне пришлось пройти с моим бывшим мужем. Ты знал, через что мне приходится проходить в моей работе, и тем не менее ты продолжал лгать мне.

— Мэрайя, прости меня. Я вел себя эгоистично. Я не хотел, чтобы мы расставались. И я знал, что, если скажу тебе правду, ты уйдешь от меня.

— Как поступил бы ты сам неделю спустя.

— Мэрайя, пожалуйста. — Зайяд взял ее за руку. — Поверь мне, что я никогда больше не буду лгать тебе.

— Конечно, ты не будешь, потому что я больше не оставлю тебе шансов.

— Мэрайя, я очень беспокоюсь о тебе. Я хочу, чтобы ты поехала со мной в Эманд. Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Она застыла, сердце ее бешено забилося в груди. Зайяд говорил совершенно серьезно. Его глаза были полны нежности. Это звучало замечательно, просто волшебно. Но для женщины, у которой была такая печальная история в жизни, это было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Я не могу. — Слезы полились у нее из глаз. Мэрайя вырвала руку из его ладоней. Страх был сильнее ее. Она слишком сильно любила этого мужчину, чтобы позволить ему снова причинить ей боль. — Я не могу снова стать прежней. Это слишком больно.

— Ты не можешь простить меня? Даже теперь, зная все причины?

Она покачала головой.

Зайяд помолчал, на лице его заиграли желваки, а потом он согласно кивнул:

— Я понимаю. То, что я сделал, простить нельзя.

Он положил папку к ее ногам, а потом встал:

— Фандал только что принес мне это. Я еще не смотрел эти фотографии. Но надеюсь, что ты сможешь найти здесь то, что ищешь.

— Спасибо.

Он кивнул, повернулся, чтобы уйти, но потом остановился:

— Ты можешь сказать мне, Мэрайя, что не любишь меня?

Сердце ее ушло в пятки, а в горле внезапно пересохло. Все внутри нее желало его, прощало его, любило... Все, кроме ее гордости.

— Прости меня.

Мэрайя сказала эти слова не только ему, но и себе самой.

Глава шестнадцатая

Впереди показались огни Эманда.

Зайяд надеялся, что почувствует умиротворение от возвращения домой, но вместо этого он чувствовал только пустоту внутри себя.

Сначала Мэрайя отказала ему после всего того, что он сделал. А потом была Джейн. Его сестра сказала, что хочет еще немного подумать, поговорить с матерью, а потом еще немного подумать. И у Зайяда не было желания бороться.

Ни с кем из них.

Вошел слуга и убрал с подноса его нетронутый ужин, а потом поставил перед ним небольшое

блюдо с малиной со сливками:

— Ваш десерт, Ваше Величество.

Зайяд уставился на красно-белое совершенство, и ему захотелось ударить по нему кулаком. Он потерял самое дорогое в своей жизни — друга, возлюбленную, настоящего соратника, и все из-за собственных страхов.

Если бы он мог повернуть самолет прямо сейчас, он это сделал бы. Но Зайяд понимал, что это будет глупо. Ей нужно время, чтобы остыть...

Время... Это настоящая пытка для человека, который борется за любовь.

Он крепко стиснул зубы, оставив в сторону фрукты. Он не потеряет Мэрайю. Когда он вернется за Джейн, то сделает еще одну попытку. А потом еще, и еще... Пока Мэрайя не простит его, не примет его и не будет снова любить его.

— Ну, и каков вердикт, госпожа адвокат? — спросила Джейн, барабаня в дверь ванной.

За две недели после отъезда Зайяда Мэрайя пережила и гнев, и полное отчаяние, и одиночество, и глубокое сожаление, но она ни разу не чувствовала счастья.

До настоящего момента.

Она сидела на краю ванны, сердце ее стучало как сумасшедшее, руки тряслись. Она держала в руках тест на беременность и смотрела на результат. Ничего не изменилось. По-прежнему две голубые полоски.

По-прежнему — беременна.

— Черт возьми, Эмми. Впусти меня.

Мэрайя встала на ватных ногах, подошла к двери и открыла ее.

— Ну? — Глаза Джейн светились от возбуждения.

— Ты станешь тетей.

Джейн взвизгнула, обняла ее, а потом снова завизжала:

— Я просто не могу этому поверить.

— Я тоже. Мы были так осторожны.

— Иногда такое случается. Провидение берет все в свои руки, когда простые смертные начинают упрячиться.

Мэрайя приготовилась к новому сражению с Джейн по поводу ее отказа Зайяду и заранее сказала:

— Я не собираюсь сдаваться.

— Отлично.

— Я серьезно.

— Хорошо.

Мэрайя вздохнула:

— Главное то, что он обманул меня.

— Нет ничего главного и окончательного. Он совершил ошибку, но жизнь на этом не закончилась. — Мэрайя открыла рот, но Джейн взмахнула рукой. — Он не обманывал тебя, Эмми. Он не оскорблял твое достоинство и гордость.

Мэрайя теребила в руках полоску теста. Она понимала, что ей придется найти в себе силы для прощения, несмотря на окаменевшее сердце. Она должна это сделать для себя и для ребенка.

— Кстати, тетя Джейн, ты говоришь так, словно уже приняла все эти права настоящей принцессы Аль-Найял.

Джейн пожала плечами:

— Это все из-за мамы. Она очень поддерживает меня. Зайяд произвел на нее неизгладимое впечатление.

Если бы только на нее!

— В любом случае, — продолжила Джейн, — она мне все рассказала, все объяснила, заставила понять, кто я такая и что нет смысла отрицать это.

— Но ведь это новая семья... — начала Мэрайя осторожно.

— Я знаю. — Глаза Джейн заблестели. — Разве это не здорово? Вчера днем я разговаривала с Сакиром. Он просто удивительный, и его жена тоже.

Несколько секунд Мэрайя изучала лицо Джейн, а потом спросила:

— Так ты собираешься в Эманд?

Джейн кивнула.

— Когда?

— Скоро. Тара тоже едет.

— Тара? — удивленно спросила Мэрайя.

— Она очень хочет увидеть Эманд. Ну, конечно, по-своему. Как раз пришло время, как ты думаешь?

Мэрайе стало не по себе. Жизнь, к которой она привыкла, закончилась.

— И Зайяд согласился, чтобы Тара приехала?

— Это была его идея.

— Так ты говорила с ним? — Горе придавило ее, словно каменная плита.

— Вчера вечером.

— Он сказал что-нибудь... — Мэрайя запнулась. Она не хотела спрашивать, скучает ли он по ней, любит ли ее по-прежнему, хочет ли, чтобы она приехала в Эманд.

Но Джейн и сама все сказала:

— Он так сильно любит тебя, Мэрайя. Но он не хочет давить на тебя.

— А может быть, так и надо сделать. — Мэрайя прислонилась к стенке ванной и вздохнула. — Что же мне делать, Джейн?

— Я могу сказать, только исходя из собственного опыта.

— Ладно, давай.

Слезы навернулись на глаза Джейн, она взяла Мэрайю за руку:

— Каждый ребенок заслуживает того, чтобы знать своего отца.

У Мэрайи отвисла челюсть и оставалась в таком положении на протяжении всего пути, пока Фандал вез ее через железные ворота к дворцу султана. Дворец был именно таким, как его описал Зайяд. Золотые башни, удивительные сады, а вдалеке мили рыжеватого песка.

Сказочный дворец, достойный волшебного ковра, хвастливого джинна и, конечно, Аладдина.

Но это не было сказкой, куда она входила с трепещущим сердцем. Это была настоящая жизнь, и Мэрайя была здесь для того, чтобы узнать, какое окончание будет у этой истории.

После долгих и мучительных раздумий о своем будущем и о будущем ребенка, она пришла к выводу, что нет другого дома и нет другой жизни, кроме той, которую она хочет разделить с Зайядом.

Если он все еще любит ее.

Нервы были на пределе, пока Фандал вел ее через несколько дверей внутрь дворца.

Наконец он открыл дверь одной из комнат:

— Сюда, мадам.

— Спасибо, Фандал, — сказала Мэрайя, а ее глаза расширились от удивления. Она видела одну из самых прекрасных библиотек в мире.

Мэрайя рассматривала прекрасную комнату, а потом ее взгляд остановился на одной из картин. У нее перехватило дыхание.

— Это настоящий Хокни?

— Да, мисс Кеннеди. Султан купил его после возвращения из Америки. Он часто смотрит на эту картину.

— Правда?

Фандал улыбнулся и кивнул.

— Я рад, что вы приехали, — сказал он. — Теперь султану станет лучше.

Мэрайя заволновалась:

— Лучше? Он болен?

Качая головой, Фандал сказал:

— Я не должен этого говорить, но я никогда не видел его таким... Он слишком много упражняется с мечами и совсем ничего не ест.

Она больше не хотела ничего слышать, ни о чем думать. Она хотела только Зайяда.

— Фандал, пожалуйста, пойди и приведи его.

Мужчина улыбнулся и, поклонившись, вышел. Мэрайя откинулась на спинку дивана, словно ей было тяжело дышать. Она тысячи раз представляла себе этот момент, но даже и понятия не имела, чем все это закончится.

Она услышала шаги, а потом голос Зайяда:

— Я же сказал тебе, что не хочу, чтобы меня беспокоили, срочно это или нет. Что может быть таким важным, что... Мэрайя?

Она поднялась с дивана:

— Я должна была приехать. Мне нужно кое-что сказать тебе.

— И что же? — Его темные глаза были полны вопросов.

— Я привезла меч, который ты оставил.

— Спасибо.

— Он у Фандала. Я подумала, что это важно для тебя. Ты ведь купил его для сына?

— Правильно.

— А ты можешь найти еще один, Зайяд?

Он протянул к ней руки и обнял.

— Я куплю тебе все, что ты захочешь.

— Но этот меч будет не для меня.

— Не для тебя?

— Нет. — Мэрайя сделала глубокий вдох и отстранилась от него. Их взгляды встретились. — Этот меч будет для нашего ребенка.

Глаза Зайяда расширились от удивления.

— Что?

— Я беременна.

Она смотрела на него и видела в его глазах то, что так страстно хотела увидеть — настоящую радость.

Он снова прижал ее к себе, раскачивая из стороны в сторону, бормоча слова, которые она не понимала, но сердцем чувствовала, что это слова благодарственной молитвы.

— Любовь моя, ты выйдешь за меня?

— Да.

— И ты будешь счастлива здесь?

— Я буду счастлива там, где будешь ты.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.